

МАЛЕКСАНДРА
МАРИНИНА

РИЧАРД ТРЕТИЙ
и
ГЕНРИХ ВОСЬМОЙ

ГЛАЗАМИ ШЕКСПИРА

А.Маринина. Больше чем История

Александра Маринина

**Ричард Третий и Генрих
Восьмой глазами Шекспира**

«ЭКСМО»

2023

УДК 929(410):821.111.09
ББК 63.3(4Вел)-8+83.3(4Вел)

Маринина А.

Ричард Третий и Генрих Восьмой глазами Шекспира /
А. Маринина — «Эксмо», 2023 — (А.Маринина. Больше чем
История)

ISBN 978-5-04-194701-9

Расследование жизни и деяний двух самых опороченных и, возможно, наиболее предприимчивых королей Англии. Александра Маринина, изучив свидетельские показания самого Уильяма Шекспира, отвечает на вопрос, кому в памяти людской «повезло» больше: «детоубийце» Ричарду Третьему или «женоубийце» Генриху Восьмому? Малосимпатичный Ричард в тяжких кровавых трудах добыл себе трон, был постоянно занят государственными хлопотами и в 32 года сгинул в Босуортской трясине. Красавчик Генрих родился принцем, воспитывался утонченными интеллектуалами и о царствовании не помышлял. Но став королем в 18 лет, до 55 лет развратничал, развлекался и ссорился с церковью. «Лед и пламень». Что может быть общего у этих двух людей — последнего рыцаря средневековой Англии и изнеженного покровителя британского Возрождения? Оказывается, многое... В новом историческом очерке Александра Маринина остроумно и увлекательно разбирает творчество гениального бытописца той эпохи — в фокусе внимания знаменитые пьесы Шекспира «Ричард Третий» и «Генрих Восьмой». В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 929(410):821.111.09
ББК 63.3(4Вел)-8+83.3(4Вел)

ISBN 978-5-04-194701-9

© Маринина А., 2023

© Эксмо, 2023

Содержание

Ричард Третий	7
Акт первый	13
Сцена 1	13
Сцена 2	18
Сцена 3	25
Сцена 4	34
Акт второй	39
Сцена 1	39
Сцена 2	41
Сцена 3	46
Сцена 4	47
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Александра Маринина Ричард Третий и Генрих Восьмой глазами Шекспира

© Алексеева М.А., 2023

© Оформление. ООО «Издательство, «Эксмо», 2023

Ричард Третий

Мне никогда не пришло бы в голову написать этот текст, если бы не случай. К нам пришли знакомые, с ними был сын, подросток 15 лет. Я в это время работала над «Шпаргалкой для ленивых», излагала историю престолонаследия в Англии, периодически расцвечивала свое повествование отсылками к Шекспиру, поэтому на моем рабочем столе рядом с ноутбуком лежал том, открытый на «Ричарде Третьем» с подчеркиваниями карандашом и бесчисленными пометками на полях. Юный гость проявил здоровое любопытство, сунул нос в текст, мазнул глазами и сморщился:

– Фу, какой отстой! Многобукафф и ничего не понятно. Зачем вы это читаете?

Я посмотрела через его плечо: какой же отрывок вызвал такое отторжение? В целом я в курсе, что поколение, выросшее в обнимку с гаджетами, выработало новый стиль ознаком-

ления с текстами: читает первую строку целиком, а начиная со второй-третьей строки «обрезает» края и воспринимает в основном то, что находится в середине. И, конечно же, поэтический шекспировский трудночитаемый слог – это совсем не то, суть чего можно усвоить нетренированному взгляду за пару секунд. Продираться сквозь дебри, терпеливо искать подлежащее, которое может оказаться совсем не там, где вы его ищите, брести сквозь многочисленные и кажущиеся избыточными сравнения, метафоры и аллегории... Да уж, этот труд под силу сегодня лишь тем, кто заинтересован, кому «надо».

Оказалось, наш гость выхватил глазами монолог Кларенса, в котором тот описывает свой сон. Ну да, все ясно, для неподготовленного читателя эти строки – просто набор слов непонятно о чем.

– Букв много, – согласилась я. – Но история там случилась крайне любопытная.

И начала рассказывать о Войне Алой и Белой розы, о короле Эдуарде Четвертом и его братьях, один из которых был верным и преданным пуританином, другой – легкомысленным и жадным до удовольствий предателем. О том, как из пуританина, превосходного воина, поступавшего в соответствии с принятыми в те времена нравами, литераторы и кинематографисты сделали немыслимое чудовище, а из его брата-перебежчика – невинного ангела. О неравном браке, заключенном королем, и о том, что из этого вышло.

Парень слушал, открыв рот. Потом взял том Шекспира, полистал, попытался прочесть и захлопнул книгу.

– Нет, это невозможно! Вы так интересно рассказываете, а начинаешь читать – сплошная мусть. Это же сколько сил и времени нужно вбухать, чтобы понять, что там такая суперская история!

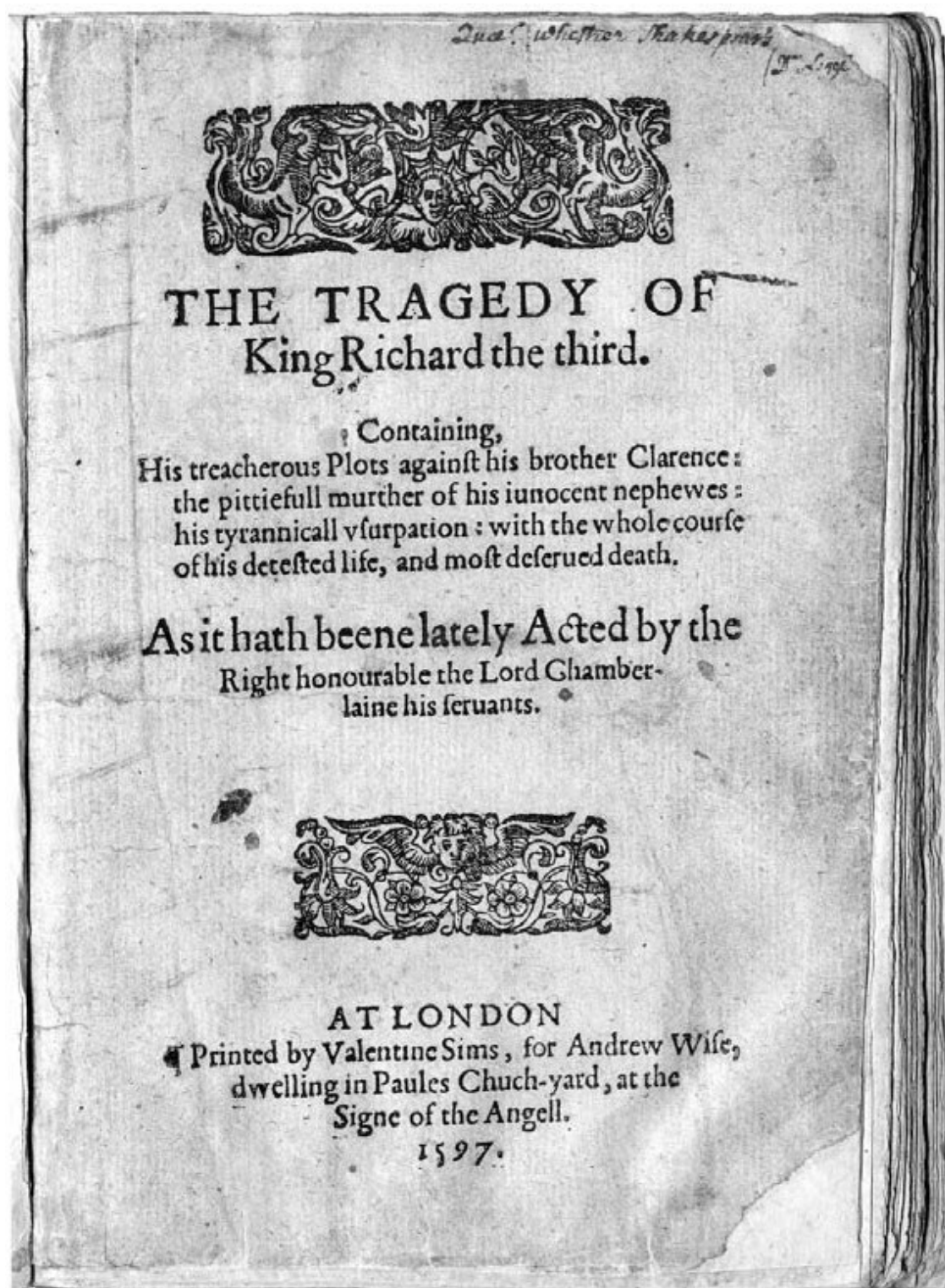
И мне стало жаль. Жаль, что «суперские» истории зачастую проходят мимо тех, кому они могли бы быть действительно интересны. И жаль тех, кто эти истории пропускает, ведь в наше время темп жизни действительно увеличился в разы по сравнению не то что с XVI веком, когда творил Шекспир, но даже и с прошлым, двадцатым. Новое поколение просто не может тратить долгие часы на то, чтобы вникать в запутанные поэтические тексты.

Так почему бы не помочь хотя бы тем, кто захочет? Хотя бы тем, кому «задали на дом»?

Вот так и родилась идея. Если этот текст не найдет своего читателя, я буду все равно счастлива, потому что получила огромное удовольствие в процессе его написания.

Прежде чем начать разбираться с текстом пьесы, имеет смысл вспомнить или заново прояснить для себя предысторию и определиться с персонажами. Итак, с чем мы имеем дело?

С XV веком. С Войной кузенов, более известной под названием Война Алой и Белой розы. С борьбой за трон между кланами Ланкастеров и Йорков, которые, между прочим, довольно близкие родственники: и те, и другие являются потомками Плантагенетов, только происходят от разных ветвей, точнее – от разных сыновей короля Эдуарда Третьего Плантагенета. Сыновей-то у того короля было немало, целых семеро, но до зрелых лет дожили только пятеро. Алая роза – Генрих Шестой, правнук Джона Гонта, герцога Ланкастера, третьего по старшинству сына Эдуарда Третьего. Белая роза – Ричард Марч, герцог Йоркский, внук Эдмунда Йорка, четвертого сына. Поскольку Джон Гонт и Эдмунд Йорк являются родными братьями, то все их потомки считаются кузенами друг другу. Так почему же возник между ними конфликт? Из-за чего война? Раз Джон Гонт Ланкастер – третий, а Эдмунд Йорк – всего лишь четвертый, то по идее все же правильно, кто старше – того и трон, и потомки старшего пользуются преимущественным правом на престол.

Титульный лист издания трагедии Шекспира «Король Ричард Третий» (1597)

Ан нет, не так все просто. Начнем с того, что у Эдуарда Третьего был ведь и самый старший сын, тоже Эдуард, по прозвищу Черный принц, но он умер еще при жизни своего отца, и после смерти короля Эдуарда трон достался малолетнему сынишке Черного принца, Ричарду, которого короновали под именем Ричарда Второго. Ричард правил страной неразумно, наделал кучу глупостей, восстановил против себя широкие слои дворянства и рыцарства, ухитрился арестовать и втихую казнить своего родного дядю, самого младшего сына короля Эдуарда Третьего, Томаса Вудстока. Но спусковым механизмом катастрофы стали действия Ричарда в отно-

шении другого своего дядюшки, Джона Гонта Ланкастерского. Дядюшка был страшно богатым человеком, а это значило, что он был и влиятельным. И Ричард задумал помочь стареющему дяде поскорее умереть, чтобы прибрать к рукам все его богатство. Это же очень просто: обвинить в измене и все конфисковать. Единственного сына и наследника дядюшки Ланкастера король Ричард уже отправил в ссылку (удобный предлог подвернулся), правда, всего на 10 лет. Но когда дядя вдруг тяжело заболел и стало понятно, что конец близок, Ричард засучил рукава и принялся за дело. В первую очередь – продлил срок ссылки своего кузена до «пожизненного». Отличный ход! Теперь у дяди Джона Гонта Ланкастерского нет законных наследников в Англии, и все его земли, замки, дворцы и сокровища с полным правом можно отправить в королевскую казну.

Но сын, Генрих Болингброк, такого беспредела терпеть не стал. Собрал войско, на сколько денег хватило, вернулся в Англию с намерением огнем и мечом вернуть себе незаконно отнятое. Он ни о чем таком не помышлял, ни о троне, ни о власти, он собирался только биться за свое кровное, за наследство. Однако по мере продвижения по территории страны он вдруг увидел, как народ ненавидит короля и как мечтает о другом правителе. Тут, соответственно, и мысли появились совсем другие.

Закончилось все тем, что Ричарда Второго с трона спихнули, посадили в узилище и там потихоньку отправили на тот свет, а королем стал Генрих Болингброк, он же Генрих Четвертый. Следующим королем стал его сын Генрих Пятый, за ним – сын Генриха Пятого, Генрих Шестой. То есть все снова пошло по старым правилам. Только династия теперь называлась не «Плантагенеты», а «Ланкастеры», поскольку во главе ее стоял сын Джона Гонта, герцога Ланкастерского.

Потомкам остальных детей Эдуарда Третьего такой расклад не сказать чтоб сильно нравился. Когда у правящего монарха Генриха Шестого начались проблемы с психическим здоровьем, встал вопрос о том, кто же будет управлять страной, пока король нездоров. Бразды правления взял в свои руки Ричард Марч, герцог Йоркский, внук Эдмунда Йорка (напоминаю – четвертого по старшинству сына короля Эдуарда Третьего), на тот момент – ближайший родственник мужского пола и королевской крови, поскольку собственных детей у Генриха Шестого пока еще не было. Сынок, Эдуард Вестминстерский, родился как раз во время «припадка», который длился ни много ни мало полтора года. Потом король вроде бы поправился и снова встал у руля власти, потом снова заболел и снова на сцену вышел Ричард Йоркский... Жена Генриха Шестого, Маргарита Анжуйская, встала во главе армии, чтобы противостоять быстро растущему влиянию Йорка, Ричард Марч ответил ударом. Началась война. Шла она с переменным успехом, король Генрих пребывал в состоянии помраченного рассудка, и в конце концов стороны достигли договоренности: полубезумный и ничего не понимающий Генрих, взятый Йорками в плен, подписал бумагу, согласно которой он останется королем, пока не умрет, но после него трон унаследуют Йорки. Либо сам Ричард Йоркский, если еще будет жив к тому времени (граф Марч был на 10 лет старше короля, так что возможны варианты), либо его потомки. То есть Генрих Шестой этим документом добровольно лишил права престолонаследия своего единственного маленького сына Эдуарда Вестминстерского. Понятно, что Маргарита Анжуйская от такого поворота пришла в гнев и ярость. И продолжила военные действия. В одном из сражений ее войска разгромили Йорков, а сам Ричард Марч и один из его четверых сыновей были взяты в плен и казнены. Но Йорки не сдались и не отступили, и в итоге королем стал Эдуард Четвертый Йоркский, старший сын погибшего в этой войне Ричарда Марча, герцога Йоркского, положив начало династии Йорков. Условия договора оказались грубо нарушены, ведь Генрих Шестой еще жив...

Портрет Ричарда Третьего (конец XVII века)

Прошло 10 лет, Эдуард Четвертый правил, война Йорков с Ланкастерами продолжалась, и в конце концов Маргарита Анжуйская проиграла окончательно и бесповоротно, юный Эдуард Вестминстерский погиб в последнем сражении (или был убит сразу после него неизвестными злоумышленниками; этого никто точно не знает), а короля Генриха Шестого через 16

дней умертвили в узилище, хотя всем объявили, что сам умер. Ну, это дело обычное для того периода, так поступали со многими.

Действие пьесы Шекспира «Ричард Третий» начинается сразу после гибели Эдуарда Вестминстерского и смерти Генриха Шестого.

Вот теперь можно перейти к рассмотрению действующих лиц. Итак, кто у нас действует в пьесе? Пойдем по тому порядку, в котором персонажи появляются на сцене.

Акт первый

Сцена 1

Лондон. Улица

На улице Лондона Ричард, герцог Глостер, произносит свой монолог. Кто таков? Брат короля Эдуарда Четвертого, самый младший. У Эдуарда есть двое братьев, средний – Джордж, герцог Кларенс, и младший – Ричард, герцог Глостер. Был, как мы помним, еще один брат, Эдмунд, но он погиб вместе с отцом. И о чем же монолог?

Ричард сперва рисует благостную картину, дескать, как хорошо! Война закончилась, тучи разошлись, на голове у Йорков венки победы, и вместо крови и ужасов под орудийный грохот – веселье и танцы под сладкую нежную музычку. Однако сам Ричард для такой благости не создан. Нет, он не жалуется, он трезво констатирует: я, мол, не создан для любовных забав, я груб, природа обделила меня ростом и красотой, зато наделила горбом и хромотой; одним словом, я убогий недоделанный урод.

Отсюда – вывод: раз мне не суждено стать героем-любовником, то стану-ка я, пожалуй, подлецом. И тут же рассказывает об одной из своих последних подлянок. Оказывается, он оклеветал Джорджа перед королем и рассорил родных братьев до состояния смертельной вражды. Навел на Джорджа поклеп и теперь стоит в сторонке и с интересом наблюдает, что же выйдет. «Если Эдуард настолько же честный и порядочный, насколько я сам лживый и лукавый, то по идее он должен сегодня же отправить братишку Джорджа в тюрьму, – задумчиво рассуждает Ричард, стоя посреди улицы. – Тем более что королю предсказали, что его погубит человек, чье имя начинается на букву «Г». (В английском языке имя «Джордж» – George как раз на нее и начинается).

Ну, рассудил-то он правильно, потому что в этот самый момент на сцене появляются Джордж Кларенс и сопровождающий его комендант Тауэра по имени Брекенбери. Ричард, натурально, делает круглые глаза и изображает полное изумление:

– День добрый, брат! Что значит эта стража вокруг вашей светлости?

Джордж отвечает сперва с сарказмом:

– Король решил позаботиться о моей безопасности и отправляет меня в Тауэр.

Ричард продолжает изображать недоумение:

– Но почему?

– Потому что меня зовут Георг, – отвечает Джордж уже более серьезно.

Ричард решает поддержать шутиливый тон брата:

– Ты же не виноват, что тебя так называли! Все претензии – к крестным, которые выбирали и одобряли твое имя. Король что, хочет, чтобы тебя в Тауэре заново крестили и дали другое имя?

Потом тоже переходит на серьезный разговор:

– Ладно, шутки в сторону. В чем дело? Что случилось?

– Да если бы я знал! Вот вбил кто-то Эдуарду в голову, что буква «Г» его погубит и отнимет трон у наследников! То ли приснилось ему, то ли чернокнижник какой-то напел – фиг знает. А король сообразил, что меня зовут Георгом, и решил, что речь обо мне. Ну и велел закрыть в Тауэре по такой вот вздорной причине.

– Все ясно, – с понимающим видом заявляет Ричард, – это происки жены короля, леди Грэй. Это она ему мозги крутит, а он, глупец, слушает и верит. Она давит на него вместе со

своим братцем Энтони Вудвиллом, внушает всякие бредни. Добились же, что лорда-камергера в Тауэр отправили, хорошо еще, что его сегодня уже выпустили. Но я уверен, что с лордом-камергером тоже эта парочка постаралась. Вот какова власть женщин над мужьями! Но при таком раскладе нам с тобой тут покоя не будет, оставаться при дворе небезопасно.

– А кому здесь безопасно? – удрученно возражает ему брат. – Здесь сейчас опасно всем, кроме родственников королевы. Ну еще, может, любовнице короля миссис Шор нормально, да еще тем слугам, которые покрывают их роман. Ты слышал, как Гастингс умолял эту Шор, чтобы она заступилась за него?

О чем же идет речь в этом диалоге? И о ком?

Все упомянутые лица – реальные исторические персонажи. Эдуард Четвертый был женат на Елизавете Вудвилл, по первому мужу – Грей, вдове с двумя детьми, сыновьями. Двор и семья этот брак не одобряли, поскольку Елизавета не принадлежала к достаточно родовитому дому, и союз с ее семьей не приносил Йоркам никакой политической выгоды. Эдуард заключил этот брак поспешно и тайно, без должного количества свидетелей и без согласования с высшими чиновниками, чем вызвал, разумеется, огромное недовольство, поскольку в тот момент планировалась его женитьба на французской принцессе, сестре короля Франции. А вместо французской принцессы страна получила в королевы низкородную англичанку. Вся многочисленная родня новоиспеченной королевы немедленно осела при дворе и стала разбирать себе самые «вкусные» должности и самых выгодных женихов и невест. Понятно, что Вудвиллов не любили очень многие. Брат Елизаветы, Энтони Вудвилл, был самым близким и надежным ее помощником и советчиком, посему и недоброжелателей у него при дворе было не меньше, чем у его коронованной сестры.

Несмотря на крепкий брак и большое число рожденных в этом браке детей, король Эдуард никогда не отказывал себе в удовольствиях, и Элизабет Шор действительно была его любовницей, о чем знали все придворные, и сама королева была в курсе. Так сказать, официальная фаворитка. В ряде источников эту даму называют «Джейн Шор», хотя настоящее ее имя именно Элизабет.

Что же касается Уильяма Гастингса, то этот человек с молодости находился при дворе Ричарда Йоркского, отца нынешнего короля, дружил с тогда еще совсем юным Эдуардом, затем сопровождал Эдуарда на всем его пути к трону и оставался его преданным соратником, участвовал в битвах, следовал за ним в изгнание, а после коронации Эдуарда был назначен лордом – верховным камергером Англии и начальником монетного двора. Более того, он стал родственником короля, поскольку женился на его двоюродной сестре (родство по линии матери Эдуарда Четвертого, Сесилии Невилл). А теперь подумаем: какой же силой влияния должна обладать любовница Элизабет Шор, чтобы вынудить короля в чем-то заподозрить и обрушить репрессии на такую фигуру, как Уильям Гастингс! Ведь Гастингс – его ближайший сподвижник и надежный давний друг! Мы-то с вами понимаем, что опала Гастингса, точно так же, как опала самого Джорджа Кларенса, – дело рук Ричарда, и то, что Ричард переводит стрелки на королеву, ее брата и Элизабет Шор, – вполне объяснимо.

Но вот почему Джордж ему так безоговорочно верит? Сам глуповат и излишне доверчив? Или у Ричарда такая уж безупречная репутация честного человека?

На вопрос Джорджа о Гастингсе наш Ричард отвечает:

– Он так перед Шор прогнулся, что она посодействовала, чтобы его выпустили. Я думаю, нам с тобой тоже надо перед ней лебезить (*«стать слугами, носить ее ливрею»¹*), чтобы заслужить расположение короля, иначе нам не выжить. Теперь в королевстве не король главный, а эти две бабы – любовница да перезрелая вдова королева.

¹ Шекспир У. Ричард III. Перевод А. Радловой // Шекспир У. Полное собрание сочинений в восьми томах под общей редакцией А. Смирнова и А. Аникста. Т. 1. – М.: Искусство, 1957.

Тут в разговор вмешивается комендант Тауэра, Брекенбери:

– Прошу прощения у ваших светлостей, но у меня строгое указание от короля, чтобы с герцогом никто не вступал в частные беседы независимо от звания и положения.

Но Ричарда никакими строгими указаниями не собьешь. Он делает невинные глазки:

– А что такого? Мы никаких опасных разговоров не ведем, вы, кстати, тоже можете присоединиться. Мы же обсуждаем мудрость короля, благородство королевы, расхваливаем ее характер. Про миссис Шор говорим, что она красавица и остроумная, и ноги у нее хороши. Про родственников королевы мы говорим, что их обожает весь двор. В чем тут измена-то? Вы что, можете опровергнуть хоть одно наше слово? Мы кого-то оболгали?

Такой поворот для Брекенбери чрезмерно сложен, поэтому он отвечает коротко и не по существу:

– До этого мне нет дела.

Типа «я не уполномочен». Так во все времена, включая и нынешние, отвечают те, кто поставлен «на страже», если вы пытаетесь им что-то объяснить.

Ричард еще делает потуги сально остроить насчет миссис Шор, но Брекенбери непреклонен, демонстративно учтив и столь же демонстративно туп:

– Прошу меня извинить, милорд, но вам придется прекратить беседу с герцогом.

– Ну что ж поделать, раз такой приказ – будем выполнять, – покорно соглашается Джордж.

Ричард тоже больше не возражает.

– Мы с тобой теперь в опале, так что придется быть послушными. Прощай, брат! Пойду к королю, попробую как-то исправить ситуацию. Надо будет – даже сестрой назову королеву, если это поможет тебя освободить. Ты даже представить не можешь, как я за тебя переживаю! Все сделаю, чтобы тебя вытащить!

– Да ладно, всем нелегко, – вздыхает Кларенс.

– Потерпи, братишка, я уверен, что это ненадолго. Костями лягу, но тебя освобожу, – обещает ему Ричард.

– Потерплю. Прощай.

Джордж уходит в сопровождении коменданта Тауэра и стражников, Ричард остается на улице один и удовлетворенно бормочет себе под нос:

– Мечтай-мечтай, доверчивый ты мой лох! Скоро я тебя на тот свет отправлю!

А тут – откуда ни возьмись! – появляется Гастингс и весело приветствует Ричарда.

– Рад видеть вас на свободе! – воодушевленно откликается Ричард и спрашивает участливо: – Как оно в тюрьме-то? Тяжко было?

– Ничего, вытерпеть можно. Знаете ли, желание разобраться с теми, кто это провернул со мной, очень прибавляет сил и заставляет выживать.

– Тут вы правы. Кларенс точно так же попал. Подозреваю, что и вас, и его уперли в Тауэр одни и те же недоброжелатели.

– Обидно, что такие люди, как ваш брат, в тюрьме, а эти сволочи злобные на свободе и правят бал, – сетует Гастингс.

Разговор переходит на здоровье короля Эдуарда Четвертого, который, как выясняется, серьезно болен, и врачи опасаются за его жизнь. (На самом деле между смертью-убийством Генриха Шестого и смертельной болезнью короля Эдуарда Четвертого прошло почти 12 лет, но пьеса – это не учебник, так что придирается смысла нет. У Шекспира вообще полно анахронизмов, что вполне естественно для художественного произведения.) Ричард сокрушается, дескать, король давно вел пагубную жизнь и подорвал здоровье пьянством и распущенностью. Гастингс уходит навестить лежащего в постели короля, Ричард собирается идти следом, но, оставшись в одиночестве, произносит заключительный в этой сцене монолог:

Ричард Третий в исполнении актера Фрэнка Бенсона (1858–1939)

– Надеюсь, он не выживет. Хорошо бы, чтобы он успел подписать Кларенсу смертный приговор, пока сам не помер. Надо будет сейчас подлить масла в огонь, добавить какой-нибудь компры на Джорджа, чтобы король уже ни в чем не сомневался и быстренько решил вопрос, прямо сегодня же. Кларенса казнят, потом, бог даст, и сам король отойдет в мир иной, и тогда я – следующий в очереди к престолу! Надо еще для верности жениться на Анне, дочери Уорика. Правда, я убил ее отца, и мужа ее тоже убил... Да ладно, фигня это, я ее уломаю. Любую девку можно уговорить на что угодно, если пообещать ей супружескую любовь и отцовскую заботу. Ну и что, что я ее не люблю? Мне она нужна для дела, а не для семейного счастья. Что-то я размечтался раньше времени... Эдуард пока еще король, и Джордж Кларенс пока жив. Вот помрут оба – тогда мой час и настанет.

Леди Анна, дочь графа Уорика

*Но раньше времени я размечтался...
Ведь дышит Кларенс, и Эдвард царит;
Лишь смерть их прибыль верную сулит.*

О чем речь в монологе? Придется снова отвлечься на исторические реалии, иначе смысл останется не понятным. Анна Невилл – дочь Ричарда Невилла, графа Уорика, двоюродного брата короля Эдуарда.

Отец Ричарда Уорика, граф Солсбери, был главным сподвижником Ричарда Йоркского, отца короля, в его борьбе за власть при Генрихе Шестом.

Более того, Ричард Йоркский был женат на Сесилии Невилл, сестре графа Солсбери. Если совсем просто, то Сесилия Невилл – мать короля (и его братьев заодно), Ричард Невилл, граф Уорик – ее племянник, кузен короля, а дочь Уорика, Анна, – двоюродная племянница короля Эдуарда и его братьев, Джорджа и Ричарда. Сам же граф Уорик обладал колоссальным влиянием при дворе, был главным советником короля Эдуарда и его наставником, выдал свою старшую дочь, Изабеллу, за брата короля, Джорджа Кларенса, потом стал врагом, переметнулся

на сторону Маргариты Анжуйской и организовал брак младшей дочери Анны с претендентом на престол со стороны Ланкастеров, то есть с Эдуардом Вестминстерским. Ричард Невилл, граф Уорик, погиб в битве при Барнете, сражаясь на стороне Маргариты Анжуйской против Йорков, и случилось это за три недели до битвы при Тьюксбери, в которой был убит Эдуард Вестминстерский; этим и объясняются слова Ричарда Глостера о том, что он убил отца Анны и ее мужа. Возможно, имеется в виду, что не своими руками убил, а просто участвовал в тех сражениях на стороне Йорков. Но вполне может быть, что по воле Шекспира именно Ричард собственноручно порешил и графа Уорика, и сына Генриха Шестого, юного принца Эдуарда. Так что молоденькая Анна теперь вдова. Всего за месяц с небольшим девушка потеряла отца (14 апреля 1471 года), мужа (4 мая) и свекра-короля (21 мая). Можно только догадываться, в каком тяжелом психологическом состоянии она пребывала в момент, обозначенный в пьесе.

И для чего же Ричарду так нужен этот брак? Для денег. Граф Уорик был весьма и весьма богат, и Анне причитается огромное наследство.

Сцена 2

Лондон. Другая улица

Вносят тело короля Генриха Шестого в гроб.

Дворяне с алебардами и леди Анна в трауре сопровождают гроб.

Анна убивается над телом свекра, просит опустить гроб и дать ей возможность еще какое-то время побыть с покойным Генрихом Шестым. Вообще-то это довольно странно: давно обещавший и запертый под охраной Генрих вряд ли мог стать Анне близким человеком, они, скорее всего, вообще никогда в жизни не встречались. Анна утверждает, что Генрих был убит тем же человеком, который убил и ее мужа Эдуарда Вестминстерского.

*...чтоб слышал ты стенанья бедной Анны,
Жены Эдварда, сына твоего,
Убитого той самою рукой,
Что нанесла тебе вот эти раны!*

То есть Анна считает (не без оснований), что короля Генриха Шестого убил все тот же Ричард Глостер. И папу, и мужа, и свекра – всех он порешил, негодяйский негодяй. В пьесе «Генрих Шестой» Шекспир и в самом деле сделал Ричарда убийцей короля, но это исключительно для красоты и драматизма. На самом деле точно не установлено, кто именно лишил жизни безумного короля Генриха Шестого, версии высказываются самые разные: и Ричард, и Эдуард, и Джордж, и все трое разом, и парами, и вообще никто из них, а нанятые убийцы.

Обвинив убийцу мужа и свекра, Анна шлет в его адрес изощренные проклятия, желает ему всяческих ужасных бед, и пусть его ребенок родится безобразным и ужасным уродом, желательно недоношенным, и пусть его вдове придется оплакивать мужа еще горше, чем сама Анна сейчас плачет по своим утратам. Потом разрешает нести гроб дальше, но тут подходит Ричард Глостер и требует, чтоб гроб с телом Генриха Шестого снова поставили на землю. Анна негодует, что кто-то тут смеет распоряжаться, кроме нее, Ричард в грубой напористой форме настаивает на своем требовании, дворяне, держащие гроб, растеряны, но все-таки в итоге подчиняются герцогу и опускают свою скорбную ношу. Анна упрекает дворян за то, что они испугались и подчинились, но затем удрученно признает:

Анна и герцог Глостер у гроба Генриха Шестого

– Увы, не осуждаю вас: вы – люди. А он – порождение ада, дьявол, вы перед ним бес-
сильны.

И тут Ричард приступает к осуществлению задуманного плана. Вместо того чтобы про-
должать демонстрировать силу и власть, он вдруг произносит:

– *Молю тебя, святая, не бранись.*

Он явно рассчитывает на эффект «разрыва шаблона», но эффекта нет: леди Анна про-
должает осыпать его бранью, обзывает «проклятым дьяволом», призывает небеса жесточай-
шим образом покарать убийцу.

Но Ричард не отступает, он предпринимает следующую попытку:

– Миледи, – говорит он, – в вас нет милосердия. А ведь милосердие призывает отвечать
на зло добром.

Анна, наконец, отвлекается от потока проклятий и вступает в диалог.

– Милосердие – это для людей, которые уважают человеческие и божьи законы. А ты эти
законы попираешь, для тебя их нет, значит, и милосердия для тебя не будет. Даже лютый зверь
может испытывать жалость, но ты – нет.

Ричард проявляет изрядную находчивость и выкручивается:

– Раз во мне нет жалости, значит, я и не зверь.

Ну, логично в общем-то... И даже Анна вынуждена это признать. Глостер чувствует, что рыбка
попалась на крючок, и начинает развивать наступление. (А помните один из законов нейро-
лингвистического программирования, который гласит, что партнера по переговорам нужно

вынуждать произносить слово «да» и соглашаться по любому поводу? Вот это оно и есть. Оказывается, все модное на сегодняшний день уже давно придумано и широко использовалось).

– Хочу попытаться объяснить вам мои поступки и оправдаться, – говорит Ричард и начинает излагать свою продуманную версию событий.

Во-первых, мужа Анны, Эдуарда Вестминстерского, убил вовсе не он, а его брат Эдуард Четвертый. Анна не верит:

– Но Маргарита (Анжуйская) рассказывала мне, что видела у тебя в руках меч, еще теплый от крови моего мужа!

– Вранье, – убеждает ее Ричард. – Маргарита просто ненавидит меня и готова сама придумать то, чего не было, и поверить в это.

Типа «показания с чужих слов судом не принимаются», как в американских сериалах.

– Ну, допустим. А короля Генриха тоже не ты убил?

– Вот тут врать не стану, короля – да, я.

Анна торжествует, но у Ричарда и здесь заготовлено оправдание. И это уже во-вторых. По мнению герцога Глостера, человеку, потерявшему рассудок и трон, лучше покинуть эту грешную землю, ему самое место на небесах, поближе к ангелам. Эти резоны не озвучиваются Ричардом, но они как бы имеются в виду. Пока. Потому что уже через несколько реплик прописывается совсем другая идея, которую коварный Глостер изо всех сил старается пропихнуть в сознание Анны: оказывается, причиной смерти Эдуарда Вестминстерского и его отца, короля Генриха Шестого, является красота молодой женщины. Проще говоря, Ричард влюблен и имеет полное право радоваться гибели соперника, а также поспособствовать умерщвлению заодно и свекра Анны, который мог бы препятствовать их счастью.

Эк завернул! Показателен еще один момент в их разговоре: Ричард позволяет себе пошлости, а реакция Анны, как ни странно, вполне адекватная. Скорбящая вдова острит в ответ, а не дает ему по морде.

Глостер
(о Генрихе Шестом)...туда он послан,
Где быть ему пристойней, чем средь нас.

Леди Анна
Тебе ж пристало только быть в аду.

Глостер
Нет, место есть еще... Сказать посмею ль?

Леди Анна
Тюрьма?

Глостер
Нет, ваша спальня.

Леди Анна
Пускай беда живет там, где ты спишь.

Глостер
Так это есть, пока не сплю я с вами.

Каково? Вести подобные разговоры прямо над телом покойника – это как-то уж совсем не комильфо. Ну ладно Ричард, он и сам про себя говорил, что груб и не годится для светского обхождения. Но леди Анна... Насчет того, что Анна острит, – это мне не показалось, Ричард ведь тоже так считает, потому что говорит:

– *Миледи, оставим остроумья поединок и к разговору мирному вернемся.*

И снова завел волюнку насчет того, что причина смерти Эдуарда Вестминстерского и Генриха Шестого – исключительно красота Анны, которая уж так сильно поразила его воображение, так будоражила ум герцога, что он готов был убить вообще всех людей на свете, лишь бы провести один час в ее объятиях. «*Мне ваша красота – вся радость... Свет она и жизнь. <...> Ты – жизнь моя... <...> Нельзя мстить человеку, что тебя так любит*» – вот перечень аргументов Ричарда.

Однако ж Анна хоть и позволила втянуть себя в диалог, но пока не впечатлилась и в ответ на каждую реплику Ричарда говорит ему грубости, шлет проклятия и твердит о своем желании отомстить за смерть мужа. И вот тут Ричард, пожалуй, сплоховал, хотя Анна этого отчего-то не заметила. Он говорит:

– Тот, кто лишил тебя мужа, поможет тебе выйти замуж более удачно. Он тебя любит больше, чем покойный, и он тоже Плантагенет, но нравом покруче.

Анна вроде как не понимает, о ком идет речь, а когда догадывается, что Глостер имеет в виду самого себя, плюет на него (только у Шекспира не указано, плюет в лицо или на ботинок). Из слов Ричарда вытекает, что Эдуарда Вестминстерского убил все-таки именно он, а не его брат-король. И совершенно непонятно, зачем было сделано это признание, если всего пару минут назад Ричард горячо уверял, что юного принца убил не он и что Маргарита Анжуйская все наврала. Оплотность автора? Неточность перевода?

Смотрим в оригинал:

*He that bereft thee, lady, of thy husband,
Did it to help thee to a better husband².*

Да нет, все точно, как Шекспир написал – так и перевели. Выходит, Ричард признался в убийстве. Для чего?

Анна, стало быть, плюнула на Ричарда (или в его сторону). А что же Ричард? Оскорбился? Разгневался? Да ничего подобного! Он прекрасно держит себя в руках и не выходит из образа «страстно влюбленного», он ласково (!) упрекает Анну, которая говорит:

– *Тебя бы ядом оплевала я.*

– *Не место яду на губах столь нежных.*

Если перевести с поэтического языка аллегорий на общепонятный бытовой русский, то получится примерно так: «Если б могла – убила бы тебя» – «Не может быть, чтобы такая чудесная нежная девушка решилась на убийство». Анна упорствует в своей ненависти и старается посильнее оскорбить герцога:

– *Но место яду на гнуснейшей жабе.*

И далее в том же духе, выражая желание убить Ричарда. Ричард перехватывает инициативу и начинает пространные рассуждения о том, что страдания по леди Анне заставляют его плакать, хотя прежде он не плакал даже в самые тяжелые минуты своей жизни.

– Я не плакал, когда Клиффорд занес меч над Ретлендом и мальчик жалобно стонал; мой отец и мой брат Эдуард рыдали, а я сдержался. Я не плакал, когда твой отец в слезах рассказывал о смерти моего отца. Горе не заставило меня плакать, а вот любовь к тебе – заставила. Я

² King Richard III. The Arden Shakespeare, 2nd edition, December 1, 1981.

никогда никого не умолял и ни перед кем не унижался, но с тобой все иначе. Если не можешь меня простить – вот тебе мой меч, давай, убей меня.

При чем тут какие-то Клиффорд и Ретленд? Ну, здесь все не сложно. Вы же помните, что один из братьев Йорков, семнадцатилетний Эдмунд, граф Ретленд, погиб в сражении с войсками Маргариты Анжуйской во время битвы при Уэйкфилде? В той же битве был схвачен и впоследствии казнен и его отец, Ричард Йоркский, граф Марч. Сперва юношу Эдмунда взяли в плен, а вот что случилось потом – в точности неизвестно. То ли его при попытке к бегству убил Джон Клиффорд, то ли голову пареньку отрубили по приказу этого Клиффорда. Но одно установлено без сомнений: отсеченная голова, которая вместе с головами Ричарда Йоркского и Ричарда Невилла, графа Солсбери (деда Анны, между прочим) была увенчана бумажной короной и выставлена на воротах города Йорка. Этот реальный исторический эпизод запечатлен Шекспиром в пьесе «Генрих Шестой. Часть третья».

Похоже, в этом месте герцог Глостер «рвет на груди тельняшку». В буквальном смысле.

*Нагую грудь удару открываю;
О смерти на коленях я молю.*

То есть обнажает грудь и встает на колени. Красиво, эффектно! И спустя четыре с половиной века этот кадр вполне успешно перекочевал в советское кино «про революцию».

Анна берет меч, но ударить им что-то не получается. То ли решимости не хватает, то ли силы, то ли умения. Ричард подзуживает ее, ловко изображая искреннее намерение умереть, если не удастся добиться любви. Он же прекрасно видит, что Анна вряд ли убьет его, так что вполне можно попридуриваться.

– Давай, смелее! Да, я убил короля Генриха, но убил из-за твоей красоты. И да, я заколол Эдуарда Вестминстерского, твоего мужа, потому что люблю тебя.

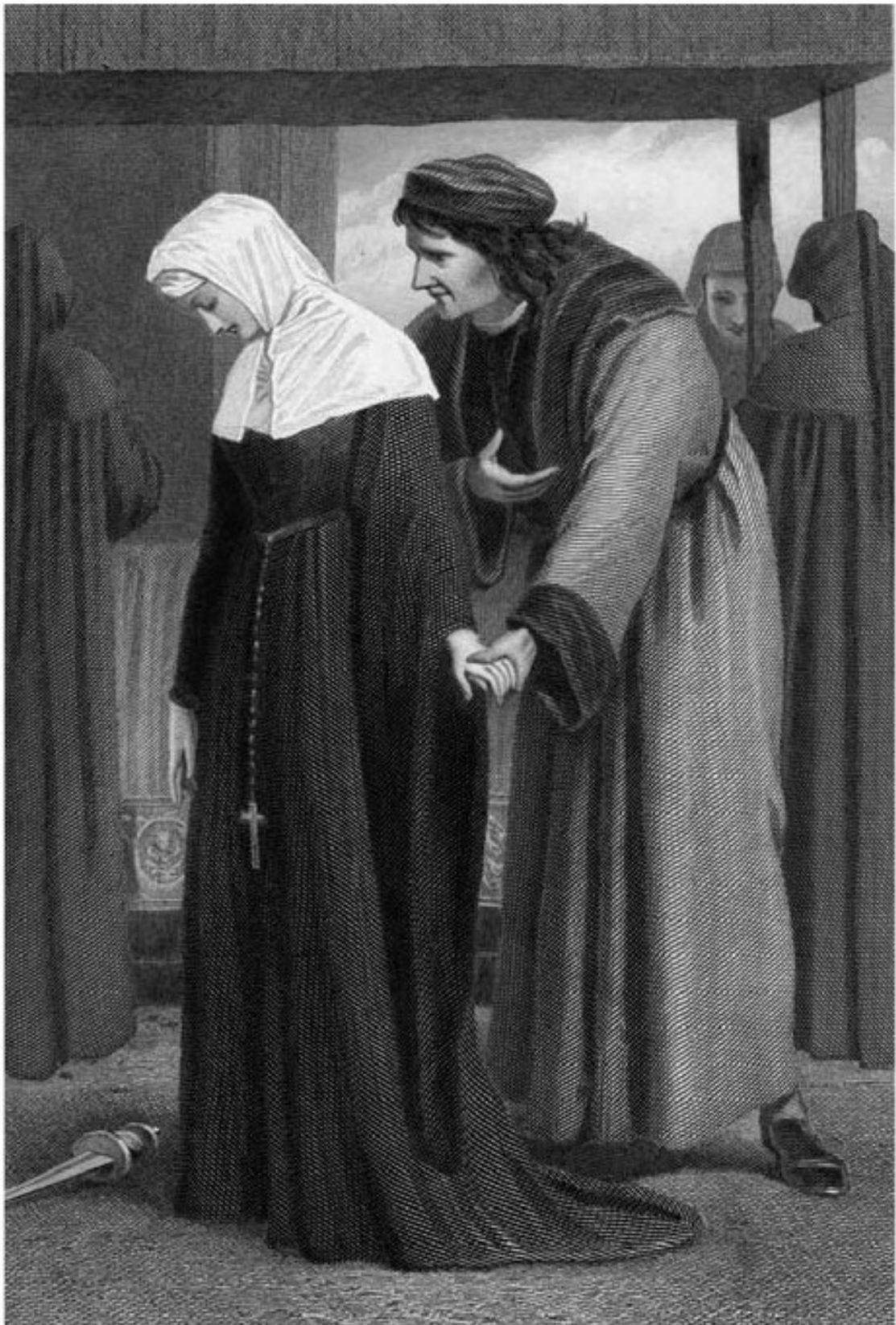
Смотрите-ка, он снова признается в убийстве принца Эдуарда! Где логика-то?! Зачем было обвинять Маргариту Анжуйскую во лжи и сваливать вину на своего братишку, правящего монарха?

Анна роняет меч и говорит:

– Встань, лицемер. Конечно, я хочу, чтобы ты умер, но грех на душу не возьму и палачом твоим не стану.

– Ну хочешь – я сам себя убью, – предлагает Ричард.

– Я же сказала, что хочу.

Леди Анна и герцог Глостер

– Нет, это ты на эмоциях говорила, в гневе. А ты подумай как следует и ответь спокойно. Вот смотри: из любви к тебе я убил твоего мужа, теперь из любви к тебе я убью себя. Тебе понравится быть причиной двух смертей?

И Анна начинает колебаться. Можно ли верить герцогу Глостеру? А вдруг он говорит правду? Она озвучивает сомнения – Ричард своими ответами решительно их отменяет. Более того, Ричард дарит ей кольцо, и Анна его принимает, надевает на палец! Правда, говорит при этом, что ответного подарка делать не собирается (то есть своего кольца ему не даст). Ричард просит Анну об одолжении:

– Оставь похоронные хлопоты нам, мы сами все сделаем наилучшим образом, а ты уезжай в Кросби. Сразу после погребения короля я к тебе приеду. Пока не могу сказать, каков план, но он есть. Просто доверься мне.

– Хорошо. И я рада, что видела твое раскаяние.

Вот это уж совсем странный поворот. Анна только что сомневалась – и уже поверила в искренность раскаяния? И что же ее убедило? Кольцо? Вряд ли: ведь своего кольца она ответным жестом не дала. Тогда что? С какого перепуга она соглашается выполнить непонятное и ничем не объясненное требование Ричарда не присутствовать на похоронах свекра, уехать и покорно ждать его в Кросби?

Или же леди Анна вовсе не так простодушна и ловко притворяется, ведя какую-то свою игру?

Внимательного читателя может смутить еще одна малозаметная деталь: в начале сцены Анна говорит, что тело Генриха Шестого несут в аббатство Чертси, где оно и будет захоронено. Ричард, обещая организовать похороны, тоже говорит о Чертси, однако, когда Анна покидает сцену, командует дворянам, несущим гроб:

– *В Уайт-Фрайерс, господа; меня там ждите.*

Уайт-Фрайерс – тоже аббатство, только совсем другое. Очевидно, у Ричарда созрел какой-то очередной пакостный замысел. Это не совсем соответствует исторической правде, ведь прах Генриха Шестого был действительно захоронен именно в Чертси, но потом начались разговоры о том, что в месте упокоения благородного невинно убиенного короля, покровителя наук и искусства, происходят всякие чудеса. Так, через 13 лет Ричард, став королем Ричардом Третьим, перезахоронил останки (от греха подальше, а то мало ли что, сначала чудеса, а потом и народный мятеж против нового короля) в часовне Святого Георгия в Виндзорском замке. Правда, Азимов в «Путеводителе по Шекспиру»³ утверждает, что «Ричард (к тому времени уже ставший королем) распорядился перенести мощи Генриха в другое место. Куда именно, никто не знает, потому что их так и не нашли». И кому верить?

Оставшись один, герцог Глостер раздражается очередным язвительным монологом, который достоин того, чтобы быть здесь детально пересказанным. Разумеется, упрощенным языком.

– Ну? У кого еще получится так уболтать женщину? Надолго она мне не нужна, но сейчас она моя! Это же надо: я убил ее мужа и отца, она прекрасно знает об этом – и все равно поддалась, несмотря на горе и ненависть ко мне. Я справился один, без поддержки, никто мне не помогал, наоборот, все было против меня, все обстоятельства, но я смог. Я сделал это! Ха-ха! Она уже и мужа любимого забыла, которого я грохнул три месяца назад. А ведь какой был парень! И умный, и красивый, и смелый, и чистой королевской крови! И она готова променять такое сокровище на меня, убийцу, сделавшего ее вдовой, уродливого, хромого. Да я мизинца его не стою! Похоже, я себя недооценивал... Вот кто поймет этих женщин! Даже объяснить не могу, как так получилось. Может, мне пора начать смотреться в зеркало?

И модную одежду надо бы приобрести. Черт возьми, я начинаю сам себе нравиться! Хотя теперь, видимо, придется пойти на некоторые издержки, чтобы соответствовать своей новой самооценке. Вот разберусь с похоронами – и пойду к Анне изображать любовь.

³ Азимов А. Путеводитель по Шекспиру. Английские пьесы. – М., 2017.

*Клянусь, хоть это мне и непонятно,
Я для нее мужчина хоть куда.
Что ж, зеркало придется покупать
Да завести десятка два портных,
Что нарядить меня бы постарались.
С тех пор, как влез я в милость сам к себе,
На кой-какие я пойду издержки.
Но прежде сброшу этого в могилу,
Потом пойду к возлюбленной стонать.*

«Сброшу *этого* в могилу... Пойду стонать...» Звучит цинично, согласитесь?

Сцена 3

Лондон. Дворец

Входят королева Елизавета, Риверс и Грей.

Про Елизавету Вудвилл, супругу короля Эдуарда Четвертого, мы уже говорили. А вот и один из ее сыновей от первого брака с лордом Греем: Ричард Грей, младшенький. Отцу Елизаветы был пожалован титул графа Риверса, и после его смерти титул унаследовал старший из сыновей, брат Елизаветы. Иными словами, Риверс в этой пьесе – тот самый Энтони Вудвилл, о котором тоже упоминалось в первой сцене.

Риверс утешает сестру:

– Потерпи, король скоро поправится.

Сын уверяет королеву, что от ее переживаний больному легче не станет, и лучше постараться развлечь его чем-нибудь веселым, чем расстраивать короля и этим усугублять его нездоровье.

Елизавета в отчаянии:

– Что со мной будет, когда он умрет?

– Потеряешь мужа, это единственная беда, которая тебя ждет, – оптимистично обещает брат.

– Такая беда хуже, чем все беды на свете...

– У вас с королем есть чудесный сынок, он будет тебе утешением, – говорит сын.

– Он совсем маленький, – сетует королева. – И король назначил Глостера его опекуном (протектором). А Глостер ненавидит и меня, и всех вас.

Граф Риверс, королева Елизавета, лорд Грей

– Что, его уже назначили правителем? – спрашивает Риверс.

– Пока нет, но решение уже принято. Как только мой муж умрет, Глостер станет правителем и опекуном принца.

Входят Бекингем и Стенли.

Еще два персонажа из реальной истории. Бекингем – дворянин с очень сомнительным бэкграундом, его дед и отец сражались на стороне Ланкастеров, то есть против Йорков. Семья была отнюдь не бедная, и когда осиротевший мальчик в пятилетнем возрасте унаследовал титул, земли и деньги, король Эдуард Четвертый пригласил «бедного сиротку», взял его ко двору и постарался воспитать в приверженности дому Йорков. Заодно и денежки его прибрал. А для верности спустя несколько лет женил его на одной из многочисленных младших сестер Елизаветы. Полное имя этого дворянина – Генри Стаффорд, второй герцог Бекингем. Несмотря на то, что он с раннего детства находился при дворе Йорков, ему все-таки не очень доверяли. Как выяснится впоследствии – не напрасно.

Стенли – это Томас Стенли, известный в истории тем, что вместе с братом Уильямом всегда ухитрялся получать политическую выгоду. При любом противостоянии братья занимали обе стороны (по договоренности), так что кто бы ни победил – семья не оказывалась в проигрыше. Упоминаемая чуть дальше в репликах графиня Ричмонд – не кто иная, как Маргарет Бофор, супруга Томаса Стенли, мать Генриха Тюдора, будущего короля Генриха Седьмого. Есть еще одно занятное обстоятельство: Томас Стенли – четвертый муж леди Бофор, графини Ричмонд, а вот ее третьим мужем был родной дядя Генри Стаффорда, герцога Бекингема. Таким образом, Маргарет Бофор считала Генри Стаффорда своим племянником и относилась к нему соответственно.

Появившись на сцене, Бекингем и Стенли приветствуют королеву и «молят бога радость ей вернуть». Елизавета относится к доброму пожеланию с нескрываемым скепсисом:

– Ваша супруга, лорд Стенли, вряд ли присоединится к вашим пожеланиям. Она нас не любит. Но это не влияет на мое хорошее отношение к вам.

Что, действительно не любит? Действительно. Маргарет Бофор – прямой потомок Джона Гонта Ланкастерского, а ее второй муж, отец ее единственного и горячо любимого сына, единокровный брат короля Генриха Шестого Ланкастера. Как же она может любить Йорков?

Стенли кидается оправдывать жену:

– Это все клевета завистников! Но даже если вам показалось, что жена не очень душевно к вам относится, то будьте, пожалуйста, снисходительны к ней: она не вполне здорова, и ее поступки продиктованы болезнью, а не злобой к вам.

Стенли и Бекингем только что навещали короля и радостно сообщают, что государю явно лучше, он в хорошем настроении и намерен сделать все, чтобы примирить своего брата, Ричарда Глостера, с семьей королевы и наладить отношения всех их с лордом-камергером Гастингсом. Всех вызвал к себе, предстоит важный разговор.

– Дай бог, чтобы получилось. Но что-то я сомневаюсь, что получится, – говорит Елизавета. – Похоже, спокойная жизнь закончилась.

Входят Глостер, Гастингс и Дорсет.

Ричарда Глостера и лорда-камергера Гастингса мы уже знаем, а вот маркиз Дорсет – новая фигура. Это старший сын Елизаветы от первого брака, Томас Грей, которому король Эдуард Четвертый подарил титул маркиза Дорсета, специально для пасынка создал этот титул. Еще раз закрепим: Риверс – брат королевы, Дорсет – ее старший сын, Грей – младший сын (оба от первого брака). Это важно помнить, потому что в пьесе появятся и сыновья от второго брака, то есть от короля Эдуарда Четвертого.

Ричард сердится:

– Сколько можно это терпеть? Интересно, кто опять пожаловался королю, что я грубый и плохо к нему отношусь? Это ж надо так любить своего монарха, чтобы постоянно тревожить его всякой клеветой! Меня считают врагом только потому, что я не лщу, не подлизываюсь и не кланяюсь. Неужели простой и прямой человек не может спокойно жить, чтобы не стать жертвой бессовестных пройдох?

– Это вы о ком говорите? – спрашивает Риверс, брат королевы.

– О ком? Да о тебе, бесстыжие твои глаза! – взрывается Глостер. – Я что, вредил тебе когда-нибудь? Обижал тебя или твою родню? Да чтоб вы все пропали! Король дня прожить спокойно не может, чтобы ваша шайка не доставала его жалобами и клеветой на честных людей.

– Вы ошибаетесь, герцог, – успокаивает его королева. – Королю никто ничего против конкретно вас не говорил, но он же не слепой, он сам прекрасно видит, что между вами и моей семьей не все ладно. И он хочет собрать всех, поговорить, выяснить, у кого какие претензии, и помирить нас.

– Ну, не знаю, не знаю, – ворчит Ричард. – Теперь при дворе такие порядки, что не разберешь, кто есть кто, кто настоящий дворянин, а кто – из грязи в князи.

Не очень-то вежливо, но намек на новоиспеченного маркиза Дорсета читается вполне ясно. Да и Энтони Вудвиллу, брату королевы, досталось, ведь титул графа Риверса был тоже создан специально для отца Елизаветы и пожалован королем, а не унаследован от родовитых предков.

– Да вы просто завидуете нам, герцог Глостер, – отвечает Елизавета. – Вас злит, что мы, а не вы в такой милости у короля. Дай бог, чтобы мы смогли обойтись без вас и в дальнейшем, ваша дружба нам не нужна.

– Бог дал такую ситуацию, что мы, к сожалению, от вас зависим и нуждаемся в вашей дружбе, – сетует Ричард. – Мой брат в тюрьме, сам я впал в немилость, дворянство страдает от отсутствия внимания и уважения, а все почему? Потому что вы так влияете на короля, пользуясь своим положением. Титулы раздаривают каждый день, и кому? Тем, кто только вчера с печки слез!

Елизавета защищает:

– Клянусь, никогда ни единого слова против вас не сказала королю! И брата вашего Джорджа защищала, как могла. Ваши подозрения для меня оскорбительны!

– А Гастингс? Тоже будете отрицать, что его из-за вас в тюрьму упекли?

Риверс пытается вступить за сестру, но Глостер его прерывает:

– Конечно, она все будет отрицать! А чего ж ей не отрицать? У нее хватает наглости помогать вам, Риверс, а потом сделать невинные глазки и заявить, что это вы сами всего добились и вам положена награда, а она ни при чем, это вы сами по себе такой заслуженный. Уверен, что она и не такое посмеет сделать...

Ричард на мгновение запинаясь, но Риверс насккивает на него, аки бойцовый петух:

– Ну, договаривай! Что еще посмеет королева?

– У нее же хватило окаянства женить на себе милого юного мальчика королевского происхождения, хотя сама была низкородной вдовой с двумя детьми, к тому же на несколько лет старше! А чего еще ждать от такой женщины, мать которой вышла замуж вообще непонятно за кого? Стремление к мезальянсам – это у вас семейное.

В этом месте необходимо дать некоторые пояснения. Мать королевы Елизаветы и Энтони Вудвилла, графа Риверса, Жакетта Люксембургская, происходила из родовитой семьи, первым браком вышла замуж не за кого-нибудь, а за герцога Бедфорда, родного брата короля Генриха Пятого, дядю короля Генриха Шестого, регента Франции. Детей в этом браке не было, да и сам брак продлился недолго, около двух с половиной лет: Жакетте в момент свадьбы было всего 17 лет, ее жениху – на 26 лет больше. Овдовев, Жакетта тайно, не спросив согласия родни, вышла замуж за бедного рыцаря Ричарда Вудвилла, оруженосца своего покойного супруга, совсем-совсем низкого происхождения, чем снискала неодобрение света. Зато детей в этом браке появилось на свет видимо-невидимо, целых 14! И все они, кто остался жив, теперь паслись при дворе Эдуарда Четвертого.

Терпение у Елизаветы лопается.

– Лорд Глостер, я больше не намерена сносить ваши оскорбления! Я долго молчала, но теперь понимаю, что пришло время поставить короля в известность о ваших грубостях и

насмешках над моей семьей. Честное слово, лучше уж быть батрачкой, чем королевой, меньше было бы на мою голову травли и пренебрежения!

И тут на сцене появляется – кто бы вы думали? Королева *Маргарита Анжуйская* собственной персоной! Жена, а теперь уже вдова короля Генриха Шестого, мать убиенного принца Эдуарда Вестминстерского, свекровь молоденькой Анны Уорик. Вообще-то она никак не могла там появиться, потому что давно уже отсиживается во Франции при дворе своего родственника, французского короля. Но у Шекспира чего только не бывает! Даже давно умершие или вовсе еще не рожденные действуют в пьесах, так что вполне себе живая королева, пусть и пребывающая далеко за морем, – это вообще ерунда.

Маргарита слышит последние слова Елизаветы: *«Не радость быть английской королевой»*, и бурчит про себя:

– Вот бы и поубавить тебе этой радости! Корона должна быть моей по праву, а не твоей.

Но ее появления пока никто не замечает, и народ продолжает выяснять отношения. Ричард кидается в ответную атаку на Елизавету:

– Ты мне угрожаешь пойти и все рассказать королю? Давай, вперед! Я буду только рад. За каждое слово я могу ответить и доказать каждое обвинение, а там пусть хоть в Тауэр сажает, мне уже все равно. Я столько хорошего сделал для короля, но, видимо, оценивать поступки он не умеет, ему важны слова. Я всегда все делал молча, а теперь, судя по всему, пришло время заговорить и сказать правду, и я готов.

Невидимая для присутствующих Маргарита комментирует услышанное:

– Ага, сукин сын, знаю я твои поступки: и сына моего убил при Тьюксбери, и мужа убил в Тауэре.

А Ричард продолжает заливаться соловьем, перечисляя свои заслуги перед Эдуардом Четвертым:

– Я был выючной клячей, пока тащил Эдуарда на всем его тяжком пути к трону, поддерживал изо всех сил его самого и его друзей, бил его врагов и проливал кровь за брата, помогал его возвышению.

Маргарита и тут не смолчала:

– Только та кровь, которую ты выпускал из других людей, была намного лучше, чем та, что течет в жилах Йорков.

– Если вы забыли, мадам королева, то я напому вам, что все ваше семейство и ваш первый муж сражались на стороне Ланкастеров, все вы были врагами Йорков, безродными и нищими, а я по рождению был потомком Плантагенетов, правой рукой Эдуарда, первым и главным его соратником и другом, а стал изгоем благодаря вашим козням и проискам, – продолжает Ричард Глостер, обращаясь к Елизавете Вудвилл.

У Шекспира эта тирада намного короче, но при пересказе мне пришлось ее изрядно удлинить, ведь англичане Средневековья отлично понимали, о чем идет речь, и им дополнительные пояснения были не нужны. В этом коротком монологе Ричарда нет ни одного слова неправды: младший брат действительно отважно сражался за то, чтобы возвести старшего на престол, был ему верным и преданным союзником, никогда не предавал Эдуарда, всегда помогал ему и поддерживал. А вот братец Джордж, которого нам в пьесе показывают «безвинно обвиненным», как раз наоборот: предавал Эдуарда, причем по-крупному, дважды переходил на сторону его врагов. Помните отца леди Анны, графа Уорика, который переметнулся на сторону Маргариты Анжуйской? Вот на его посулы стать следующим королем Англии Джордж и повелся, родного брата бросил и связался с двоюродным. Из затеи ничего не вышло, Уорик погиб, а кругом виноватый Джордж вернулся к законному королю, поджав хвост. Правда и то, что отец и первый муж Елизаветы Вудвилл были сторонниками Алой розы, то есть Ланкастеров, и муж ее даже погиб, сражаясь за них. А вот отец и братья после удачного второго замужества Елизаветы стали ярыми сторонниками Йорков.

Маргарита, по-прежнему оставаясь в тени, комментирует:

– Кем ты был и кем ты стал? Да как был подлым убийцей – так и остался!

А вот дальше Ричард уже перевирает факты, подтасовывая их таким манером, чтобы выглядеть наилучшим образом:

– Несчастный Джордж кинул Уорика и вернулся к Эдуарду, чтобы добыть для брата корону, и теперь вместо благодарности его запихнули в тюрьму. Ах, если бы у меня было такое же жестокое сердце, как у Эдуарда, мне было бы легче мириться с такой несправедливостью! А если бы у Эдуарда было такое же нежное и сострадательное сердце, как у меня, то этой несправедливости и вовсе не случилось бы.

Интересно получается! Корону для старшего брата Джордж Кларенс добывал только один раз, когда все трое братьев отчаянно сражались с Ланкастерами за то, чтобы Йорки уселись на престол, то есть до марта 1461 г. В те времена их так и называли: Три солнца Йорков. Эдуард просидел на троне девять лет, после чего граф Уорик затеялся вернуть на трон прежнего короля Генриха Шестого, и у него получилось. Причем помогал ему в этом именно Джордж Кларенс. Так что во второй раз за свою корону Эдуард Четвертый бился уже с помощью только одного своего брата, Ричарда, а Джордж, наоборот, воевал на стороне его врагов. Уорик в результате погиб, а Джордж вернулся к королю и был прощен. А послушать Ричарда Глостера, так выходит, что Джордж перешел в стан Уорика, потом опомнился, вернулся, повинился перед братом и отвоевал утраченную Эдуардом корону назад. Вот же умеют люди передергивать!

Маргарита и этот пассаж мимо не пропускает, сопровождая его ядовитыми и злобными комментариями.

– Лорд Глостер, – говорит брат Елизаветы Энтони Вудвилл, граф Риверс, – наша семья всегда шла вслед за законным королем. Пока королем по закону был Генрих – мы воевали за него, когда королем стал ваш брат – мы шли под его знаменами, если бы королем были вы – мы точно так же бились бы за вас. Вам очень хочется выставить нас врагами и изменниками, но мы всего лишь исполняли закон и служили правящему монарху.

– Если бы королем был я?! – патетически восклицает Ричард. – Да боже упаси меня от такого! Уж лучше я буду разносчиком, чем королем, геморроя меньше.

– Точно-точно! – подхватывает Елизавета. – Если бы вы стали королем, милорд, вы бы узнали, какая это головная боль. Никакой радости, одни проблемы. Вот уж это я в полной мере прочувствовала, став королевой.

– Да уж, – цедит сквозь зубы Маргарита Анжуйская, – у королев в этой стране никаких радостей, одни несчастья, и я – живой пример. Это невозможно больше терпеть!

И тут она, наконец, выходит из тени и появляется перед изумленными взорами находящихся на сцене персонажей.

– Ну что, сволочи, переругались? Никак не можете награбленное добро поделить? И даже меня не испугались, как я погляжу? А зря, между прочим. Вы пошли против меня, когда были моими подданными, и думаете, что все обошлось? И не надейтесь! А ты, Ричард, хамская твоя рожа, не отворачивайся, в глаза смотри!

– Чего тебе надо, злая ведьма? – спрашивает Ричард.

– Хочу пересчитать твои злодеяния, – отвечает бывшая королева.

– А что ты вообще здесь делаешь, между прочим? Тебя же изгнали из страны и запретили возвращаться под страхом смерти.

– Да, меня изгнали, но я лучше умру, чем буду прозябать на чужбине. Ты должен вернуть мне мужа и сына! Елизавета пусть вернет мне корону, и все вы должны вернуть мне преданность. А все мои проблемы и горести – ваши, забирайте, мне не жалко.

Ну, Ричард-то наш Глостер всегда найдет, что ответить, он и тут не смолчал, кинулся перечислять жестокие поступки Маргариты Анжуйской.

– Когда ты моего отца, взятого в плен, венчала бумажной короной, он тебя проклял. Потом ты дала ему платок, смоченный в крови нашего брата Эдмунда, которого безжалостно убил твой приспешник Клиффорд, да еще поглумилась: дескать, на тебе платочек, утри слезы. Вот теперь Бог тебе мстит за эти злодеяния.

– Бог справедлив, – поддакивает ему Елизавета, – он всегда мстит за невинно пострадавших.

Гастингс тоже вставляет свои три копейки:

– Это ж какая неслыханная жестокость – убить ребенка! Мерзость!

Что-то, господа хорошие, в этом месте логика явно захромала. Эдмунду Йоркскому, графу Ретленду, было 17 лет, когда он погиб в битве при Уэйкфилде. Эдуарду Вестминстерскому, сыну Маргариты, тоже было 17 лет, когда он пал во время битвы при Тьюксбери. То есть сторонникам Йорков убить семнадцатилетнего юношу – нормально, возраст позволяет уже давно и жениться, и воевать, и страной править, а сторонникам Ланкастеров убить точно такого же парня – это мерзость и убийство ребенка? Да полно!

Тут и все прочие участники действия отметились со своими репликами.

Риверс:

– Даже самые бездушные – и те плакали тогда.

Дорсет:

– Все просили Бога, чтобы он тебя покарал за эти прегрешения.

Бекингем:

– Герцог Нортемберленд там присутствовал, так он тоже рыдал.

Одним словом, полное единство мнений. Маргарита, конечно же, тоже замечает, что люди, только что отчаянно скандалившие друг с другом, вдруг выступили против нее единым фронтом, сплотились. Она выражает удивление такой метаморфозой, а потом «включает бухгалтер» и начинает сравнивать потери и считать убытки:

– Я потеряла мужа, потеряла сына, утратила власть, отправилась в изгнание – *«и все за жалкого того мальчишку»?* Нет, неравноценно. Мои потери куда больше, поэтому вы тоже должны как следует пострадать. Пусть ваш король сдохнет от обжорства! Пусть ваш маленький Эдуард, принц Уэльский, расплатится за моего сына и безвременно сгниет в могиле! А тебе, королева Елизавета, я пожелаю, чтобы ты так же, как и я, пережила свою власть и стала никем. Поживи подольше и переживи смерть своих детей. Доживи до того времени, когда на трон сядет новая королева, и прочувствуй, каково это: смотреть на ту, которая украла твои права, твою корону, твое положение. *«Будь долговечней счастья своего, а умирая горестно, ты будешь не королева, не жена, не мать»!* А вы, Риверс, Гастингс, Дорсет, ничем не лучше, вы же были там, вы стояли и смотрели, как моего сына убивают. Так вот, я вам желаю, чтобы никто из вас не умер своей смертью!

– Ну все? Ты закончила? – спрашивает Глостер, которому весь этот поток проклятий уже изрядно надоел.

– Забыв тебя? – ехидничает Маргарита. – Нет уж, постой и послушай, чего я лично тебе желаю. У Бога в резерве есть много всяких наказаний, так вот я прошу его, чтобы не наказывал тебя сейчас, а подождал, когда ты еще больше мерзостей наделаешь, и вот тогда пусть обрушит на тебя все полной мерой. Самые страшные муки – муки душевные, и покоя тебе не будет никогда. Ты будешь считать друзей врагами и останешься без поддержки, ты будешь считать врагов друзьями и окажешься преданным, ты не сможешь спокойно спать и будешь мучиться жуткими кошмарами.

Добрые искренние пожелания я изложила, как сумела, в прозе, а вот оскорбления, которыми Маргарита осыпает Ричарда Глостера, лучше процитировать по первоисточнику:

Горбун ты, недоношенный свиньей!

*Ты, заклеянный в час, когда родился,
Как раб природы, как отродье ада!
Ты, чрева материнского позор!
Ты, семя мерзкое отцовских чресл!
Бесчестное отребье.*

Согласитесь, услышать о себе такое – приятно мало. Но Ричард старается не потерять лицо и сохраняет хладнокровие, даже неловко острит в ответ. Маргарита же не унимается, у нее на очереди королева Елизавета, и здесь тоже лучше прибегнуть к прямой цитате:

*Ты, крашенная горе-королева!
Ты, блеск пустой моей судьбы счастливой!
На паука раздувшегося сахар
Ты сыплешь, путаясь в его сетях.
О глупая, нож точишь на себя!
Наступит день – меня умолишь ты
Проклясть с тобой кривую, злую жабу!*

В этих словах мы слышим не только выплеск ненависти, но и честное предупреждение (если, конечно, под раздувшимся пауком имеется в виду герцог Глостер): не доверяй ему, не поддакивай, не становись на его сторону, придет время – и он такое сотворит, что ты эту «кривую злую жабу» будешь проклинать так же, как я сейчас проклинаяю его.

Гастингс решает прекратить такое безобразие и обращается к Маргарите:

– Хватит уже клеветать и врать! Остановись, пока нас всех до греха не довела.

Маргарита отвечает, что она в ярости (как будто это и без того не заметно), а когда Риверс (он же Энтони Вудвилл, брат Елизаветы) предлагает ей поучиться вести себя как должно, бывшая королева взрывается:

– Если бы вы все вели себя как должно, вы бы служили мне, потому что я – королева, а вы – мои подданные. Служа мне, вы бы исполняли свой долг.

– Да не слушайте вы ее, она сумасшедшая, – говорит маркиз Дорсет, старший сын Елизаветы.

Но остановить разъяренную Маргариту Анжуйскую не так просто. Теперь она обрушивается на Томаса Дорсета, пренебрежительно называет его наглым «маркизенком», попрекает тем, что его титул новый и не связан с древним родом, а новому дворянству, по ее мнению, не дано понимать чувства тех, кто получил дворянское звание от предков, и не дано проникнуться всей глубиной их страданий. *«Тот, кто высоко, вихрям всем подвержен, и, падая, он вдребезги разбит».*

Эдакие вариации на тему «высоко взлетишь – больно будет падать». Однако ж Глостеру и тут есть что возразить, дескать, те, кто рожден высоко, с детства приучены к высоте, им ветер – друг, а солнце – не враг, так что гуляющие в выси вихри им не опасны.

Вмешивается Бекингем, пытается остановить Маргариту, снова осыпающую Ричарда упреками и обвинениями, и Маргарита вдруг меняет тон. Теперь она говорит только с Бекингом, причем негромко, обращаясь лишь к нему.

– К тебе у меня нет претензий, ты честный человек, и твоя семья всегда служила нам, Ланкастерам. Ты нашей кровью себя не запятнал, и я тебе желаю только счастья. Не бойся, мои проклятия тебя не коснутся.

– Пусть они никого не коснутся, – отвечает Генри Стаффорд, герцог Бекингем. – Вы же знаете: проклятия всегда обращаются против того, кто их произносит.

– О нет, – возражает Маргарита, – они летят прямо вверх, на небо, к Богу в уши. А ты, дружок, остерегайся пса, у него ядовитые зубы, и укус его смертелен. Лучше всего вообще не имей с ним дела. Рядом с ним всегда грех, смерть и ад. Послушай моего совета.

Ричард замечает, что Бекингом ведет какую-то приватную беседу с опальной королевой, и строго вопрошает:

– Лорд Бекингом, что она вам сказала? О чем разговор?

– Да так, ничего существенного, ерунда, – пытается увернуться Бекингом, но Маргарита грубо и глупо мешает ему:

– Мои слова – ерунда?! Мой добрый совет – ерунда?! погоди, ты еще вспомнишь мои слова, когда он тебя подставит по-крупному. Вот тогда ты скажешь, что я была пророчицей. Пусть отныне среди вас царит только ненависть: Глостер будет ненавидеть каждого из вас, вы все будете ненавидеть его, а Бог – всех вас вместе.

И с этими словами Маргарита гордо удаляется за кулисы.

– От ее проклятий волосы на голове дыбом встают, – говорит Гастингс, и Риверс его поддерживает. Ричард же изображает глубокое сочувствие, мол, не судите женщину строго, она так намучилась, бедняжка, столько горестей претерпела, и даже добавляет:

– *Я каюсь в том, чем перед ней виновен!*

– Но я-то ни в чем перед ней не виновата, я ей никакого вреда не причиняла, – беспокоится Елизавета. – За что она меня проклинала?

Глостер отвечает довольно витиевато, но общий смысл его слов сводится к «не делай добра – не получишь зла». Вот он столько добра сделал – и в ответ черная неблагодарность, вот братишка Джордж тоже добро делал и теперь сидит в тюрьме. Однако ж нужно молиться за тех, кто виновен в такой несправедливости. Граф Риверс умиляется (или только делает вид, что умиляется?) подобному благочестию.

Входит Кетсби.

Если просто читать текст пьесы, то может сложиться впечатление, что входит слуга или лакей. Но ничего подобного! Сэр Уильям Кетсби (он же Кэтсби, он же Кейтсби) – рыцарь, приближенный Ричарда, а в годы правления Ричарда Третьего – спикер Палаты общин, один из самых богатых рыцарей Англии. То есть не кот начхал.

Кетсби приглашает всех присутствующих пройти к королю. Первой идет, само собой, Елизавета, все-таки она жена и королева, остальные тянутся за ней, но Глостер, как и в более ранней сцене, задерживается. У него тут осталось еще два дела. Первое – произнести свой знаменитый монолог «Творю я зло», чтобы те, кто еще не понял, догнали, наконец, какой он злодейский злодей и как ловко плетет интриги, делает пакости и сваливает их на других, натравливая группировки придворных друг на друга, а простаки вроде Бекингема и Стенли ему верят и сочувствуют, когда он делает вид, что переживает за брата, которого сам же и упек за решетку.

*...Я же
Вздыхаю, повторяя из писанья,
Что бог велит платить добром за зло.
Так прикрываю гнусность я свою
Обрывками старинных изречений,
Натасканными из священных книг.*

Достаточно искренне и весьма цинично. Когда этот монолог в спектакле Театра им. Вахтангова произносил гениальный Михаил Ульянов, у меня, помнится, волосы на голове шевелились.

Появляются двое убийц, и мы узнаем, какое же второе дело осталось у Ричарда и почему он не покинул сцену вместе со всеми и не поспешил к королю.

– А вот и мои парни! – радуется их приходу герцог Глостер. – Ну как, готовы дело сделать?
– Готовы, – рапортует Первый убийца. – Нам бы пропуск, а то в Тауэр не пустят.
– Пропуск есть, – отвечает Ричард. – Вот, держи. Значит, слушайте сюда: действовать надо быстро, четко, решительно. Главное – не давайте Кларенсу втянуть вас в разговор, он мастер убалтывать, разжалобит вас, и вы потом с ним не справитесь.
– Не бойсь, хозяин, мы не из болтливых, мы ж руками работаем, а не языком.
Глостер благословляет наемников на подвиг и отправляет убивать Джорджа Кларенса, своего родного брата.

Сцена 4

Лондон. Тауэр

Входят Кларенс и Брекенбери.

Ну, насчет того, что «входят» – это просто фигура речи, так у Шекспира написано. На самом деле ниоткуда они не входят, потому что место действия – комната, в которой заточен Джордж, герцог Кларенс, время действия – ночь, узник спал, теперь проснулся от кошмара. Но комендант Тауэра по имени Брекенбери (между прочим, тоже реальная историческая фигура) почему-то находится там же. По идее, в помещении не должно быть никого, кроме самого заключенного, за дверью – тюремщики, а комендант – высокое начальство, у него собственные апартаменты. Да, он может посетить любого заключенного, но почему это нужно делать посреди ночи? Если только из уважения к принцу королевской крови Брекенбери решил посидеть рядом со спящим, покараулить его тревожный сон...

Кларенс рассказывает коменданту, что провел горестную ночь, потому что ему приснился страшный сон. Будто бы он бежал из Тауэра и плывет на корабле в Бургундию. Почему именно в Бургундию? Предполагается, что зрители – современники автора сами все понимают, мне же придется пояснить: у Ричарда Йоркского, графа Марча, были не только четверо сыновей (Эдмунд погиб, трое остались), но и дочери, и одна из них вышла замуж за Карла Смелого, герцога Бургундского. Так что в своем сне Джордж плывет не абы куда, а в гости к родной сестрице. С ним вместе плывет Ричард Глостер. Ричард все время старается выманить Джорджа из каюты на палубу. Братья стоят на палубе и вспоминают битвы Йорков с Ланкастерами, все беды и тяготы войны, и вдруг Глостер сталкивает Джорджа за борт. Джордж захлебывается, тонет, умирает, и дальше в этом кошмарном сне он уже мертвый и встречается в загробном мире с покойниками: со своим тестем, графом Уориком (вы ведь не забыли, что Кларенс женился на старшей дочери Уорика), и с Эдуардом Вестминстерским, сыном Генриха Шестого и Маргариты Анжуйской. При этом Уорик называет его клятвопреступником и обещает всяческие кары, а Эдуард называет его лживым и вероломным и обвиняет в собственном убийстве. Да еще легион чертей вокруг него кружится и в уши завывает... В общем, ужасно.

К тому же продолжает висеть вопрос: кто же все-таки (по Шекспиру) убил несчастного принца Эдуарда Вестминстерского? Король Эдуард Четвертый, Ричард Глостер или Джордж Кларенс? То один брат признает за собой вину, то другой, то валят друг на друга...

Брекенбери от души сочувствует Кларенсу:

– Не удивительно, что вы испугались, мне от одного только вашего рассказа жутко стало.
– Ох, сторож, сторож, – причитает Джордж, – ведь я все это делал для Эдуарда! И где его благодарность? Пусть Господь меня покарает, если мои молитвы его не смягчат, но пусть пощадит мою жену, которая ни в чем не виновата, и детей!

Тут у нас тоже некоторая неувязочка. Жена Джорджа, Изабелла, старшая дочь графа Уорика, к моменту его смерти уже давно скончалась, не оправившись после очередных родов. Ну да ладно, таких неувязочек в исторических пьесах Шекспира полным-полно, это все-таки художественный вымысел, а не хроника. Но в целом слова Кларенса вызывают массу вопросов. Про непонятки с убийством Эдуарда Вестминстерского мы уже сказали. Теперь выясняется, что он предал своего тестя и сподвижника графа Уорика, чем заслуживает страшную месть. *«Все, что сделал я и что теперь меня же уличает, – все было для Эдуарда. Как он платит!»* Все бы ничего, но почему уличает-то? Кто обвиняет Кларенса в убийстве и предательстве? Никто. Если следовать тексту пьесы, это действительно было сделано в интересах брата-короля. На самом деле все было, конечно, не так, и никого Кларенс не убивал, Уорика не предавал, поскольку приполз с повинной уже после поражения и гибели графа, а предавал как раз своего брата, когда переметнулся к Уорiku в надежде получить корону. И за это предательство Эдуард Четвертый имел полное право выкатить Джорджу претензии. Но Шекспир-то уверяет нас, что Джордж – хороший парень, осознал ошибку, вернулся, покался, получил прощение и помог королю одолеть коварного Уорика.

Кларенс просит коменданта посидеть с ним, чтобы не так страшно было спать.

– Конечно, я посижу, спите, милорд, – с готовностью отзывается Брекенбери и размышляет вслух:

– Властителям многое дается: слава, титулы, внешний блеск, но за это они и расплачиваются многим. На них постоянно давит внутренняя тяжесть, огромная ответственность, бесчисленные горестные заботы.

И делает неутешительный вывод:

*Меж титулами их и нищетой
Одна лишь разница – почет пустой.*

Входят двое убийц.

Они показывают Брекенбери бумагу, полученную от Ричарда, тот соглашается передать им узника, поскольку так написано в документе, но предупреждает:

– Конечно, не мое дело рассуждать, что означает этот приказ, как написано – так я и сделаю, но королю немедленно доложу.

И уходит. Хорош комендант, да?

Кларенс мирно спит в кресле, меж тем душегубы прямо у него над ухом держат совет: как лучше убить принца? Прямо во время сна грохнуть или все-таки сначала разбудить? Кроме того, Второй убийца принимается рассуждать насчет совести, но Первый убийца быстро ставит ему мозги на место, напомнив об обещанном гонораре за ликвидацию объекта. Вспомнив о деньгах, Второй убийца тут же находит кучу аргументов в пользу того, что иметь совесть вообще вредно, потому что если есть совесть, то никогда не будет ни денег, ни достатка и благополучия. *«Совесть – опасная штука, – говорит он. – Она превращает человека в труса. Человек хочет украсть – совесть его осуждает... <...>*

Совесть – стыдливый краснеющий бес, который бунтует в человеческой груди и мешает во всех делах... <...>Она всякого человека сделает нищим... <...>Всякий, кто хочет ладно жить, должен постараться прожить собственным умом и без всякого совестливого беса».

Что ж, вполне современная позиция, очень созвучная тому, что мы видим сегодня.

В ходе обсуждения Первому убийце приходит в голову идея стукнуть спящего рукояткой меча по голове, оглушить и потом бросить в бочку с мальвазией. Пока сообщники уточняют детали, Кларенс просыпается, спрашивает, где его тюремщик, и требует себе стакан вина. Королевские замашки не покидают принца даже в узилище. Потом замечает двоих незнаком-

цев и начинает задавать вопросы: кто такие, откуда и зачем здесь околачиваются. Убийцы мнутя, жмутся, слова выдать не могут, и только на прямой вопрос Джорджа: «Вы пришли, чтобы меня убить?» блеют:

– Да, да.

– У вас едва хватило духу это произнести, а уж сделать – точно запала не хватит, – замечает герцог Кларенс. – Чем я вас обидел? За что хотите меня убить?

– Вы не нас обидели, а короля, – объясняет Первый убийца.

– Да бросьте, мы с королем родные братья, помиримся, не в первый раз.

– Нет, милорд, не прокатит. Готовьтесь к смерти, – говорит Второй убийца.

Вот тут и начинается то, о чем предупреждал своих наемников Ричард Глостер: Кларенс заговорил.

– Вот же не повезло вам, ребята: столько людей на свете – и именно вас выбрали на исполнение этого заказа, чтобы на вас потом пало проклятие за убийство невинного. В чем я виноват? Вы обвинение читали? Доказательства видели? Приговор, подписанный судьей, в руках держали? Никто не имеет права угрожать мне смертью, пока нет вступившего в законную силу приговора. Вы, ребята, сильно рискуете быть проклятыми и навлечь на себя огромные неприятности.

Убийцы, чистые душою, честно признаются, что у них есть приказ, и приказ этот подписан самим королем.

– Вот же ты глупый! – восклицает Кларенс. – Король-то – он только третий после Бога, а первый, сам Господь, на скрижалях написал: не убий. Ты что, собрался нарушить божеский закон в угоду бумажке, написанной человеком? Тогда берегись: рука господня карает так, что мало не покажется.

Тут убийцы вступают в пререкания, дескать, ты сам все божеские законы понарушал сто раз, ты клялся защищать дом Ланкастеров, а сам убил их принца, Эдуарда Вестминстерского, так что не надо ля-ля.

Герцог Кларенс и убийцы

– Да, – признается Джордж Кларенс, – я его убил, но сделал это ради брата, короля Эдуарда Четвертого. И я никогда не поверю, что это он вас нанял, чтобы меня убить, потому что смерть принца Ланкастера была и в его интересах тоже, и он в этом грехе виновен так же, как и я. Если Бог считает нужным меня покарать – он и так покарает, не сомневайтесь, без вашей помощи обойдется. Не спорьте с божьим промыслом, он сам разберется, кому что причитается, и уж, во всяком случае, он не станет избирать незаконных путей.

Ох ты ж боже мой! Так кто же все-таки убил Эдуарда Вестминстерского? Сначала Ричард утверждает, что это сделал король Эдуард Четвертый, потом – что он сам, а теперь и Кларенс пишет явку с повинной. Полная каша!

Но киллеры уперлись намертво: у нас приказ от короля, мы его любим и уважаем, так что наш долг – выполнить, что велено.

– Так я тоже люблю короля, он же мой брат, – продолжает уговаривать Кларенс. – Слушайте, а может, дело вовсе не в приказе, а в деньгах? Вам заплатили за меня, что ли? Тогда все еще проще: идите к другому моему брату, герцогу Глостеру, он заплатит намного больше за то, чтобы вы оставили меня в живых.

Тут Второй убийца (который про совесть рассуждал) расслабился и всех сдал.

– Не выйдет. Именно Глостер вас и заказал.

Но Кларенс не верит.

– Да быть не может! Он меня любит! Идите к нему, он решит вопрос.

– Ага, идем, шнурки только погладим, – ехидничает Второй убийца.

Но Кларенс в запале и волнении не почувял подвоха.

– Идите, конечно, идите скорее! Напомните ему, как наш отец, Ричард Йорк, благословил нас, троих сыновей, и наказал нам любить друг друга! Разве мог он тогда думать, что наша дружба разобьется... *«Скажите Глостеру, и он заплачет».*

Ну можно ли быть таким наивным? Просто удивительно! Заплачет Глостер! Здесь, наверное, более уместны были бы слова: *«Скажите Глостеру, и он заплатит».*

Первый убийца замечает в ответ на последнюю реплику насчет «Глостер заплачет»:

– Ага, камнями, он и нас этому учил.

Кларенс возмущенно возражает:

– *Не клеветайте на него – он нежен.*

Но Первого убийцу с дороги не сбить.

Да, да.

Как снег во время жатвы. Не надейтесь!

Он нас прислал сюда, чтоб вас убить.

Но Кларенс все еще не верит:

– Не может такого быть! Когда мы расставались, он обнимал меня, плакал и обещал сделать все, чтобы меня освободить.

– Он так и делает, освобождает вас от земных тягот, чтобы вы могли спокойно предаваться райским благам, – рассудительно замечает Второй убийца.

Кларенс предпринимает последнюю отчаянную попытку убедить киллеров, выдвигая аргументы о том, что они же погубят свою душу, если убьют невинного, и взывая к милосердию и жалости. Второй убийца в какой-то момент дрогнул и слегка заколебался (все-таки он же знает слово «совесть», хоть, возможно, и не совсем верно его трактует), но Первый быстро пресек намек на проявление слабости:

– Жалеют только бабы или трусы, – сурово произносит он и требует, чтобы Второй не стоял без дела, а помогал: – А не то скажу герцогу, что ты ленился.

В общем, все дело провернул именно Первый убийца, а Второй струсил-таки.

– Забирай себе весь гонорар, – говорит он Первому, – и скажи заказчику, что я горько раскаиваюсь и жалею, что вообще во все это ввязался.

– А я не раскаиваюсь, – спокойно заявляет Первый. – Вали отсюда, трус! Так, куда бы мне труп запрятать, пока не дали команду, куда его зарывать? Получу деньги и смоюсь из этих краев подальше, пока все не открылось.

Акт второй

Сцена 1

Лондон. Дворец

Входят больной король Эдуард, королева Елизавета, Дор-сет, Риверс, Гастингс, Бекингем, Грей и другие.

Эдуард Четвертый строит из себя великого миротворца, радуется, что сделал доброе дело, уладил конфликты, всех примирил, а то ведь ангелы со дня на день его призовут, так что уйти на небеса он сможет с легким сердцем.

– Риверс и Гастингс, пожмите друг другу руки и дайте слово, что перестанете враждовать и отныне будете дружить, – требует король.

Риверс и Гастингс протягивают руки и клянутся в вечной любви. Король доволен, но предупреждает, чтобы они не вздумали лукавить и обманывать его:

– Господь сверху все видит, и если клятву нарушите – покарает вас.

Риверс и Гастингс бьют себя в грудь и божатся, что такого у них и в мыслях не было. Тогда король обращается к жене:

– Теперь ты, Елизавета, а также наш сын Дорсет и герцог Бекингем, давайте миритесь с Гастингсом и честно обещайте любить его. И вы, Гастингс, отвечайте тем же.

Все по очереди обнимаются, жмут руки и дают клятвы. Особенно много обещаний вечной преданности и дружбы дает королеве Бекингем, мол, если я вас когда-нибудь обману – пусть Бог меня накажет и пусть все друзья от меня отвернутся и откажут в помощи.

Эдуард сияет:

– Ваши слова, лорд Бекингем, прямо бальзам на мою душу! Для полного счастья мне не хватает только брата Ричарда, чтобы его тоже со всеми помирить.

– А вот он как раз идет! – говорит Бекингем.

Входит Глостер, вежливо здоровается, всех приветствует.

– Мы тут все ссоры погасили, доброе дело сделали, – сообщает ему король.

Ричард Глостер не отстает от высокого собрания:

– Если кого ненароком обидел – простите, если вам про меня чего наплели – не верьте, всех люблю, никого врагом не считаю. Вас, королева, прошу о милости в первую очередь, буду вам верно служить. Бекингем, Риверс, Грей, все герцоги и лорды, не относитесь ко мне, как к врагу, я всех вас люблю.

Елизавета радуется, что все разногласия позади, и просит мужа для полного комплекта простить Джорджа Кларенса и выпустить его из тюрьмы. Родной брат как-никак!

Король Эдуард, лорд Стенли и другие

– Вы что, издеваетесь? – сурово спрашивает Ричард. – Я вам только что в любви и верности поклялся, а вы меня перед королем специально подставляете? Все знают, что благородный герцог Кларенс умер! *«Не оскверняйте прах его насмешкой».*

– Как это – умер? – недоумевает Энтони Вудвилл, граф Риверс, брат королевы. – Он же жив!

Елизавета, Бекингем и Дорсет от ужаса бледнеют. Похоже, они – единственные из присутствующих, кто догадывается, что на самом деле случилось. А вот король впадает в гнев:

– Как такое может быть? Я же отменил приказ!

– Ну, знаете, как оно бывает, приказ о казни доставили в Тауэр немедленно, а приказ о помиловании где-то задержался, вот и вышло... – разводит руками Глостер. – Человеческий фактор.

На сцене появляется лорд Стенли и кидается королю в ноги с просьбой помиловать слугу, который в драке случайно убил дворянина. Причем дворянин не рядовой, а приближенный самого герцога Норфолка. Норфолки, как известно, были очень-очень родовитыми и влиятельными, входили в тройку самых богатых землевладельцев Англии, и трогать тех, кто принадлежал к их свите, весьма рискованно. Король в ярости.

– Ну уж нет! По моему неосторожному слову убили моего брата, а теперь хотите, чтобы по моему слову простили раба? Куда вы все смотрели, когда я подписывал Кларенсу смертный приговор? Почему никто меня не остановил? Почему никто не умолял меня простить Джор-

джа? Почему никто из вас не напомнил мне, что он покинул Уорика и перешел на мою сторону, чтобы помочь мне вернуть корону? Как он отдал мне свою одежду, когда мы замерзали на поле, а сам дрожал от холода? Кто хотя бы попытался смягчить мой гнев? Никто! Все промолчали! Зато когда конюхи и слуги напиваются и убивают высокородных дворян, вы готовы на коленях выпрашивать прощение для них. Не будет этого! Вы не просили за Джорджа, и сам я ничего не вспомнил и не смягчился, теперь мы все за это будем наказаны божьим гневом. Гастингс, помогите мне дойти до спальни.

Бедный Кларенс!

Король Эдуард и королева Елизавета с несколькими лордами уходят.

Вообще-то концы с концами не сходятся. Король же отправил в Тауэр приказ об отмене казни Джорджа, так почему же он сейчас попрекает всех в том, что «никто за него не попросил», а себя корит за то, что «не вспомнил»? Откуда же тогда помилование появилось, если «не просили» и «не вспомнил»? Чудеса, да и только!

– Видали? – спрашивает Глостер. – Заметили, как побледнела королева и ее родственники, когда объявили о смерти Джорджа? Вот то-то. Именно они и виноваты в том, что король послал родного брата на казнь. Ничего, Бог все видит и всем воздаст. Пойдемте к королю, постараемся его поддержать.

– Конечно, пойдемте, – тут же подхватывает Бекингем.

Сцена 2

Дворец

Входит герцогиня Йоркская с двумя детьми Кларенса.

Это новые лица в пьесе, придется на них остановиться. Герцогиня Йоркская – это Сесилия Невилл, супруга покойного Ричарда Йоркского, графа Марча, и мать короля Эдуарда и его братьев Джорджа и Ричарда. Заодно она является теткой графа Уорика (ныне тоже покойного) и родной сестрой его отца. Именование «миледи матушка короля» или «королева-мать» появилось позже, его придумала и ввела в оборот Маргарита Бофор, мать короля Генриха Седьмого, а до того момента либо мать короля была раньше супругой предыдущего короля и считалась королевой, либо, если отец короля не был коронован и не сидел на престоле (как в случае Эдуарда Четвертого), именовалась герцогиней, то есть носила титул покойного супруга.

Теперь дети Кларенса. С ними сложнее. Мы уже говорили о том, что время действия пьесы весьма условно: с одной стороны, события происходят вскоре после битвы при Тьюксбери и смерти Генриха Шестого (1471 год), но с другой стороны – король Эдуард смертельно болен и впоследствии умирает, а это уже 1483 год. Джордж Кларенс убит в Тауэре в 1478 году, на Изабелле Невилл, дочери графа Уорика, он женился в 1469 году, дочь Маргарет родилась в 1473 году, сын Эдуард – в 1475 году, а в 1476 году Изабелла умерла вскоре после родов. Так какого же возраста должны быть те дети, которые появляются в настоящей сцене? Если события привязаны к битве при Тьюксбери, то они не только еще не родились, но Изабелла даже еще не беременна дочерью Маргарет. Если же судить по их речам, то ребятишкам должно быть никак не меньше семи-восьми лет, то есть дело плавно перемещается к дате болезни и смерти короля Эдуарда. В общем, ничего не понятно. Ясно только одно: герцогиня Йоркская, Маргарет и Эдуард – реальные исторические фигуры и в описываемый период имели место быть. Шекспир в своей пьесе называет их имена только один раз, в самом начале, в перечне действующих лиц; в основном тексте дети фигурируют как «Дочь Кларенса» и «Сын Кларенса». Так и будем их называть при изложении.

Сын с тревогой спрашивает:

– Бабушка, наш папа умер?

– Нет, малыш, папа не умер, – успокаивает его старая герцогиня.

– А почему тогда вы плачете и приговариваете: «Кларенс, бедный мой сыночек»?

– Почему называете нас горькими сиротками, если папа жив? – подхватывает Дочь.

– Да нет же, внучата мои милые, я плачу не о вашем папе, а о короле, он ведь очень болен и он тоже мой сын. Какой смысл плакать о том, кого уже нет? Слезами его не вернешь.

Опрометчивая фраза, и умненький Сын ее не пропускает.

– Значит, бабуля, наш папа все-таки умер... И виноват в этом наш дядя-король. Я помолюсь и попрошу боженьку, чтобы он наказал короля за это.

– И я тоже помолюсь, – поддакивает Дочь.

Герцогиня останавливает их благие порывы:

– Не надо так, дети! Не надо так говорить. Вы еще слишком маленькие и не понимаете, кто на самом деле виноват в смерти вашего отца.

– Мы все понимаем! – уверенно заявляет Сын Кларенса. – Нам добрый дядя Глостер все рассказал и объяснил. Это плохая злая королева наговорила королю про нашего папу, а король послушался и отправил папу в тюрьму. Дядя Глостер так плакал, когда рассказывал! Ему так жалко было папу! Он меня обнимал, целовал и обещал любить как собственного сына.

Герцогиня хорошо знает цену своему младшему сыну Ричарду и не обольщается.

– Ложь всегда прикрывается лаской, а порок притворяется добродетелью, – вздыхает она. – Ричард – мой позор, не пойму только, в кого он такой уродился. Уж точно не в меня.

Мальчик удивляется:

– Бабушка, ты хочешь сказать, что наш дядя говорит неправду?

– Да, мальчик мой.

– Я тебе не верю.

За сценой раздается шум, входит королева Елизавета с распущенными волосами; за нею *Риверс и Дорсет*, то есть брат и старший сын от первого брака.

Королева в исступлении рвет на себе волосы и с рыданиями сообщает, что король Эдуард Четвертый скончался. Герцогиня выражает соболезнования и описывает свои страдания:

Королева Елизавета

– Я тоже скорблю, ведь Эдуард не только твой муж, он – мой сын. Какая горестная у меня судьба!

Сначала я оплакивала мужа, но у меня оставались сыновья, и теперь двое из троих мертвы. Остался только один, на которого глаза б мои не глядели! Ты овдовела, но у тебя оста-

лись дети, они тебя утешат, а у меня после потери мужа судьба отняла то, что меня поддерживало, две мои подпорки: Эдуарда и Джорджа.

Твои страдания, Елизавета, практически ничто по сравнению с моими.

Интересно, это так принято было в те времена – сразу «включать бухгалтера» и начинать оценивать баллами чувства и подсчитывать, у кого чего больше или меньше? Кстати, еще одно любопытное наблюдение: у Сесилии Невилл и Ричарда Йоркского было ведь четыре сына, а не три. И нам об этом неоднократно напоминали на протяжении всего первого акта пьесы.

Куда в стенаниях герцогини подевался Эдмунд Йорк, граф Ретленд, чья голова красовалась на воротах Йорка вместе с головой его отца? Почему Сесилия вспоминает о том, как оплакивала мужа, но не говорит ни слова о сыне?

– Тетя Елизавета, – говорит Сын Кларенса, – вы о нашем папе не плакали, вот и мы теперь не будем плакать о вашем муже.

Господи, дети, оказывается, тоже считать умеют! «Сдачи не надо!» Брату вторит девочка:

– Вы нас не пожалели, когда мы стали сиротами, а сейчас вы стали вдовой, и мы вас тоже жалеть не будем.

Сын Кларенса

Не плакали вы, тетя, об отце, —

И вам мы нынче плакать не поможем.

Дочь Кларенса

Осталось неоплаканным сиротство, —

Пусть будет неоплаканным вдовство.

Жестокий век! Жестокие сердца!

Елизавета в долгу не остается:

– Мне не нужна помощь, чтобы оплакать мужа, у меня слез достаточно, чтобы весь мир затопить в память о моем любимом Эдуарде.

– А в память о нашем папе? – требовательно спрашивают дети хором.

– А о моих двух сыновьях? – вторит им герцогиня.

В последующей короткой перепалке выясняется, что крыть Елизавете совершенно нечем, ведь каждое слово, подтверждающее ее страдания, с полным правом применимо и к герцогине, и к малышам. Королева потеряла человека, бывшего ей опорой? – Они тоже. Королева пережила внезапную смерть близкого? – Они тоже. В целом этот разговор очень напоминает спор на тему «у кого длиннее» и, с учетом трагических обстоятельств, выглядит более чем странно и неуместно. Окончательный баланс подводит герцогиня Йоркская:

– Хуже всех мне. Ты, Елизавета, потеряла только мужа, а мой Джордж для тебя никто. Дети потеряли отца, но по своему дядюшке Эдуарду они не убиваются. Каждый из вас плачет по кому-то одному, и только одна я страдаю по двоим сыновьям.

Маркиз Дорсет пытается утешить Сесилию, называет ее «любезной бабушкой» (что вполне справедливо, ведь король Эдуард считает пасынков членами своей семьи), Риверс же старается поддержать сестру и заставить ее не убиваться, а думать о насущном:

– Подумай о сыне: его нужно как можно скорее привезти в Лондон и короновать. Ты оплачешь Эдуарда, похоронишь его, а потом будешь радоваться, глядя на сынишку, взойшедшего на престол.

В этот момент входят Глостер, Бекингем, Стенли, Гастингс и Ретклиф.

С первыми четырьмя вы уже познакомились, а кто такой Ретклиф? Ричард Ретклиф (Рэтклифф) – рыцарь, благодаря дружбе с Ричардом Глостером ставший одним из богатейших землевладельцев Англии. Его дядя был при Эдуарде Четвертом не кем-нибудь, а управляю-

щим королевским двором (типа управделами президента). Помните Уильяма Кетсби, который приглашал наших персонажей пройти к королю для серьезного разговора? Вот они, Кетсби (Кейтсби) и Ретклиф (Рэтклифф), были самыми надежными и близкими товарищами Ричарда Глостера, пользовались его покровительством, всеми благами, разбогатели просто неприлично, но взамен выполняли для него всякие темные поручения и решали «нехорошие» задачи. Оба погибли в битве при Босуорте (она у нас будет в конце пьесы) и отметились еще в одном хитром деле, о котором мы поговорим чуть позже.

Итак, все вышеперечисленные персонажи выходят на сцену. Глостер выражает соболезнования Елизавете, называя ее сестрой (а он ведь в первом акте именно это и обещал, помните?), и матери, а также просит у герцогини благословения. Герцогиня благословляет сына, как положено, однако Ричарда этим не обмануть, он отлично знает, как мать в действительности к нему относится, поэтому бросает в сторону:

*Аминь. И умереть мне добрым старцем, —
Конец всех материнских пожеланий.
Как герцогиня это пропустила?*

Бекингом призывает присутствующих «утешиться взаимною любовью» и вспомнить о принце Уэльском, сыне короля, которого надлежит привезти из Ладлоу и подготовить к коронации в Лондоне. Почему принц в Ладлоу? Потому что так принято. Ладлоу – королевская резиденция в Уэльсе, и принцу Уэльскому надлежит как можно с более раннего возраста жить там и учиться управлять доверенным ему краем.

Бекингом предлагает послать за принцем небольшую свиту.

– Почему же небольшую? – удивляется Энтони Вудвилл, граф Риверс.

Его удивление понятно: принца предстоит переправить из Уэльса в Лондон, путь неблизкий, а дороги полны опасности. Все же речь идет не о простом смертном, купце каком-нибудь или ремесленнике, а о короле, каковым маленький Эдуард Йоркский стал с момента оглашения факта смерти его отца. Но у Бекингема есть резонное объяснение: чем больше народу в свите – тем выше риск возникновения конфликтов внутри группы сопровождения, а сейчас, когда прежний король умер, а новый еще совсем дитя, страна пребывает в неустойчивом положении. Риверс соглашается, считая такой подход достаточно разумным, и даже возражает Глостеру, который говорит, что, мол, какие могут быть конфликты, мы же все только что помирились и никакой вражды между нами нет.

– Да, – произносит Риверс, – мы помирились, но именно только что, совсем недавно. Нашему перемирию считанные часы, оно еще не окрепло, поэтому не будем подвергать его лишним испытаниям. Я соглашаюсь с лордом Бекингом: отряд, посланный за принцем, должен быть небольшим.

Бедный граф Риверс даже не замечает, как ловко «сделал» его коварный Ричард Глостер. Теперь выходит, что на малочисленном отряде сопровождения настаивал именно брат королевы, а он, Ричард, был как раз против. Тут еще и Гастингс удачно подпел: он, дескать, тоже соглашается с Бекингом, и Ричард с облегчением произносит:

– Пусть будет так. Маленький отряд – значит, маленький. Давайте обсудим, кого мы в него назначим.

И тут же обращается к Елизавете и к герцогине:

– Сестра, поможете нам советом? У вас есть соображения по кандидатурам? А вы, матушка?

Те, разумеется, сразу соглашаются и уходят «работать над списком» в сопровождении лордов. На сцене остаются только Глостер и Бекингом.

– Кто бы ни поехал в итоге за принцем, нам с вами нельзя тут сидеть и ждать, – говорит Бекингем. – Надо ехать. По дороге я придумаю, как нам отделить принца *«от наглых родственников королевы»*.

– Дело говоришь! – соглашается Ричард. – Поехали в Ладлоу.

Сцена 3

Лондон. Улица

Входят с разных сторон два горожанина.

Позже к ним присоединяется третий горожанин.

В этой сцене ничего не происходит, кроме обмена мнениями, вероятно, для того, чтобы дать общую картину умонастроений в народе. О чем же рассуждают горожане?

О том, что король умер и теперь жизнь может пойти прахом. Новый король – совсем дитя, *«беда стране, где царствует ребенок»*. Конечно, ситуация для Англии не нова, так уже случилось, например король Генрих Шестой тоже занял трон во младенчестве (Генриху Шестому было меньше года, когда скончался его отец, Генрих Пятый), но тогда ситуация была совсем иной: рядом с королем находились его дядя, родные братья покойного короля, зрелые мужи и опытные политики и военачальники, и даже деды по линии Бофоров (внебрачных детей Джона Гонта Ланкастера). А теперь что? Теперь дядя тоже есть, только уж не такие. Они по разные стороны баррикад, Йорки не любят семью Елизаветы, у которой есть братья и взрослые сыновья от первого брака, и вся эта компания быстро перессорится между собой и не доведет страну до добра. Ну да что поделать, придется надеяться на лучшее и положиться на Господа.

Горожане

Сцена 4

Лондон. Дворец

Входят архиепископ Йоркский, малолетний герцог Йоркский, королева Елизавета и герцогиня Йоркская.

Вы ведь не забыли, что старший сын правящего монарха получает титул принца Уэльского, а все последующие сыновья являются герцогами (Йорками, Кларенсами, Глостерами и т. д.)? В данном случае герцог Йоркский – это второй сын Эдуарда Четвертого и Елизаветы Вудвилл, мальчик по имени Ричард. Он на два года младше своего братика, принца Уэльского. А что архиепископ Йоркский? Его гражданское имя – Томас Ротерхем, он был духовником королевы Елизаветы и близким ей человеком, а архиепископом стал почти за три года до смерти Эдуарда Четвертого.

Архиепископ докладывает известия о продвижении кортежа с принцем: где отряд был вчера, куда приедут сегодня, *«здесь завтра или послезавтра будут»*. Бабушке-герцогине не терпится увидеть внука:

– Он, наверное, сильно вырос, – говорит она.

Елизавете приходится разочаровать свекровь:

– Насколько я знаю, не сильно. Похоже, Ричард уже его перерос, хоть он и младше.

– Мама, я бы не хотел быть высоким, – вдруг заявляет маленький герцог.

– Почему? – удивляется бабушка. – Разве плохо быть высоким?

– Дядя Риверс недавно за ужином сказал, что я уже выше брата Эдуарда, а дядя Глостер ему ответил:

*«Трава дурная хорошо растет».
С тех пор уж я и не хочу расти.
Я лучше буду маленьким цветком,
Чем длинным безобразным сорняком.*

На что бабушка-герцогиня замечает, что поговорка эта совсем не подходит тому, кто ее процитировал. Этот человек в детстве был хилым и плохо рос, и если бы поговорка была правильной, то он вырос бы милейшим человеком. И снова мы видим, до какой степени скверно относится старая герцогиня к своему младшему сыну Ричарду.

– Но так же и вышло, герцогиня, – возражает ей архиепископ, – милейший ведь человек получился.

– Да, – соглашается пожилая дама. – Но у матери есть определенные сомнения на этот счет.

Что это? Архиепископ мило шутит? Едко язвит? Или он искренне заблуждается и ничего не видит и не понимает?

Мальчик принимается упражняться в остроумии насчет дяди Глостера, причем говорит не умно, но зло, к тому же обнаруживает склонность к фантазированию, чтобы не сказать – ко лжи. Елизавета строго осекает сына.

– Не сердитесь на него, – вступает за маленького Ричарда архиепископ, – он же ребенок.

– У стен есть уши, – отвечает королева.

Н-да, похоже, мадам Вудвилл живет в постоянном напряжении и страхе.

Входит гонец, он принес, к сожалению, плохие новости:

*Лорд Грей, лорд Риверс и сэр Томас Воген —
Под стражею отправлены все в Помфрет.*

Здесь снова останавливаемся для разъяснений. Сэр Томас Воген (Воган) – рыцарь, приближенный короля Эдуарда Четвертого, участник сражений на стороне Йорков во время Войны Алой и Белой розы. Он родился в 1410 году и к моменту событий, описанных в пьесе, ему от 60 до 70 лет, возраст весьма солидный для тех времен. То есть старый вояка, преданно служивший дому Йорков, оказался выбранным для ответственной миссии сопровождения малолетнего короля из Уэльса в столицу. И не случайно: Воген симпатизировал королеве Елизавете и поддерживал Вудвиллов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.